

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ШИРОКОВ

СССР 2010

ЭНЕРГЕТЫ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

2010 ГОД. А ВОКРУГ — КРАСНЫЕ ФЛАГИ

Фантастический боевик. Новая эра

Алексей Широков

**СССР 2010. Энергеты
всех стран соединяйтесь!**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Широков А. В.

СССР 2010. Энергеты всех стран соединяйтесь! /

А. В. Широков — «Издательство АСТ», 2022 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-153266-6

Семен Чеботарев прожил бурную жизнь. Успел и отсидеть по малолетке, и создать свой бизнес в IT-сфере. Женился, завел детей, построил дом, вырастил дерево. Все как положено. И жалел лишь об одном – что его не было рядом, когда от рук сожителя погибла мать. Так что, когда вдруг оказался в своем же шестнадцатилетнем теле в 2010 году, ничуть не испугался, а наоборот, обрадовался, что имеет возможность исправить свою главную ошибку. Вот только почему кругом развешаны красные флаги, с плакатов сурово взирают Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, а над входом в Дом пионеров красуется лозунг «Энергеты всех стран, соединяйтесь!»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-153266-6

© Широков А. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Викторович Широков
СССР 2010. Энергеты
всех стран, соединяйтесь!

© Алексей Широков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

– Мальчик! Мальчик, ты живой?! – голоса доносились до меня словно через толстое одеяло. – Мальчик, ты меня слышишь?!

– Кха-кха, – закашлялся я пересохшим горлом, вместо того чтобы сообщить, что ее и мертвый услышит, – пхить...

– Слава богу, живой!!! – вместо воды послышался очередной истерический вопль, на этот раз счастливый. – Костя! Как тебе не стыдно?! А если бы ты его убил?! Ты же Юниор! И пионер!

– И-извините, – ответом были всхлипы, – я-а не хотел...

– Не реви! Поздно уже! – продолжила распекать виновника женщина, которую я пока так и не увидел, потому что не открывал глаза. – Ну разве так можно?! Родина учит вас, чтобы вы ее защищали, а ты?! Хулиганишь?!

Я не вмешивался, радуясь возможности привести мысли в порядок. Еще несколько секунд назад я собирался тестировать новейшую систему виртуальной реальности, а сейчас стою, точнее сижу в каком-то туалете с разбитой головой и пытаюсь осмыслить происходящее. Но самое странное было чувство дежавю, которое пробирало до костей. Словно я когда-то все это уже где-то видел... когда-то... Осознание острой иглой прострелило мозг, заставив застыть от боли.

Вспомнил! Это случилось ровно сорок лет назад, когда я, тогда шестнадцатилетний пацан, бомбил лохов, отжимая мобилы. В тот день я забрел в Дом школьника, решив, что там мне обязательно повезет. И в туалете наткнулся на мелкого пацана. У того был неплохой смарт, правда, как только я его забрал, туда вошел местный тренер то ли по баскетболу, то ли по волейболу, хотя неважно. Главное, что после этого я уехал на малолетку на полгода, после чего взялся за ум, начал учиться, стал программистом, тимлидом крупных проектов и в итоге одним из учредителей компании айтигиганта, занявшегося разработкой виртуальной реальности.

Но эти воспоминания словно двоились. Зная, что было, я также помнил, что здание называлось Дом пионеров. Впрочем, зашел я сюда с той же целью, но никакого тренера не было. А отоварил меня тот самый очкастый малец, вдруг оказавшийся невероятно сильным. Или... это я сам не заметил у него на груди небольшую серебряную звездочку, означавшую, что он энергет в звании Юниора.

– Мальчик, ты как себя чувствуешь? – вырвал меня из состояния обалдения все тот же визгливый женский голос, а потом в лицо ткнулся холодный стакан. – На, пей!

– С-спасибо, – просипел я, припадая к живительной влаге, открывая наконец глаза. – Ох, тля, чуть не сдох.

– Не выражайся! – прошипела бабенка лет тридцати, с жуткой химической завивкой на голове. – Я, значит, переживаю, а он тут деньги у детей вымогает!

– А это еще доказать надо. – Я решительно отодвинул непонятки с воспоминаниями на задний план, сосредоточившись на текущих проблемах. – Меня тут у вас мало того что чуть не убили, так еще и брешут, дело шьют! Я этого так не оставлю!

– Что?! – перешла на ультразвук пергидрольная блондинка. – Я что?! Да я... Все, мы идем к директору! Пусть он с тобой разбирается!

– А пошли! – Я пусть с трудом, но поднялся на ноги. – Разберемся, кого вы тут воспитываете, пионеров или бандитов!

– Хам! – припечатала меня блондинка, крутанулась на месте и пошла, покачивая толстым задом, обтянутым некрасивой юбкой.

Я хмыкнул и пошел следом. В голове постепенно прояснялось. Да, я был все тем же Чебо-
таревым Семеном Павловичем, по прозвищу Чобот, шестнадцати лет от роду, но жил в СССР.

От осознания, что здесь, где бы я ни был, Союз не распался, мне чуть не стало дурно снова, но я сдержался, вернувшись к воспоминаниям. Учился я в обычной средней школе, перебиваясь с двойки на тройку, как и раньше. Вел разгульный образ жизни, шляясь с дворовой гоп-компанией. В этом наши судьбы с альтер эго были схожи. Все остальное я решил выяснить попозже, когда разберусь с текущей проблемой. А это надо было сделать, если я не хотел повторить свою же судьбу и отправиться на зону. Если мне подарили второй шанс, я намеревался использовать его по полной и уж точно не на глупости в виде криминала.

– Вот, Иван Сергеевич, полюбуйте! – с ходу начала орать кучерявая, залетев в кабинет с надписью «Свиридов И. С. Директор Дома пионеров № 572». – Мало того что он у детей деньги вымогал, так еще и хамит!

– Спокойно, Ольга Михайловна, разберемся. – Из-за стола поднялся мужчина в потертом пиджаке и со звездой энергетера третьего разряда на нем. – Проходите, молодой человек, присаживайтесь. Нет, не сюда, а напротив Константина.

Я бросил быстрый взгляд на паренька, оказавшегося тем самым, который приглубил меня в туалете, и, спокойной походкой дойдя до указанного места, плюхнулся на опасно зашатанный стул. Подросток лет тринадцати дернулся от моего движения, но остался сидеть, хоть и боялся поднять взгляд, пялясь на потрескавшийся лак стола директора. Я же стесняться не собирался, по-хозяйски оглядывая кабинет и одновременно размышляя, что делать и получится ли чего-нибудь с них срубить. Привычки бизнесмена давали о себе знать, к тому же для моих идей требовался начальный капитал.

– Что ж, давайте поговорим. – Наконец директор выпроводил визгливую бабенку и вернулся за стол. – Меня зовут Иван Сергеевич Свиридов, я являюсь директором этого Дома пионеров. С Константином мы давно знакомы. Он уже пять лет у нас занимается, сначала в шахматном классе, а с недавнего времени и секции энергетов. А вас, молодой человек, как зовут?

– Семен Павлович. – Я со спокойным видом закинул ногу на ногу и уставился на собеседника суровым взглядом. – Ну, и что будем делать?

– С чем? – немного наигранно удивился директор.

– Меня у вас чуть не убили, – я остался невозмутим. – Вот этот шкет едва не замочил. Я просто руки зашел помыть, а он набросился на меня, используя свои способности. Нанес удар в грудь, отчего я разбил затылок о стену. Вот, синяк и шишка в наличии.

– Это неправда... – пискнул пионер, впрочем, так и не подняв глаза. – Ты сам первый начал...

– Я?! – Я резко хлопнул по столу, привставая и нависая над пацаном, отчего тот дернулся и едва не зарядил мне в нос. – Вот! Вот видели?! Он снова на меня напал!!!

– Спокойно, никто тебя не тронет, – поморщился Иван Сергеевич, а затем обратился к пацану: – Костя, выйди, пожалуйста. Дай нам с Семеном Павловичем поговорить.

Пацан что-то буркнул и выскочил из кабинета, так и не подняв головы. Я проводил его довольным взглядом и повернулся к директору, буквально наткнувшись на тяжелый взгляд холодных глаз, в которых не было ни капли приязни. Впрочем, меня это не смутило. Предъявить мне было нечего, даже несмотря на жалобы пацаненка. Сделать я ему ничего не успел, даже пальцем не тронул, тот вырубил меня первым, а это давало широкие возможности для маневра. И пусть мне немного претило то, что я сейчас делал, я прекрасно помнил, что лишних денег дома не водилось. И в том мире, и в этом. А у меня были планы.

– Значит так, я знаю, что ты пытался вымогать деньги. – Иван Сергеевич поморщился, будто я был не гражданином Страны Советов, а мерзким насекомым. – Будь моя воля, я бы тебя без суда и следствия...

– А вы докажете, – я нагло оскалился. – Сейчас не ежовщина! Чекистский беспредел не пройдет! Давайте, вызывайте ментов, пусть они разбираются, кто тут чего хотел. Моя полиция... милиция меня бережет!

– Милицию... – немного опешил от предложения директор, который считал, что такой, как я, категорически не должен иметь никаких дел с органами.

– Да, ментов зови! – начал наглеть я, отыгрывая отмороженного хулигана, каким, впрочем, и был раньше. – Меня тут едва не убили. Я, значит, поссать зашел и спросить, как пройти в эту... как ее... в библиотеку, во! А этот как мне зарядит! А это хулиганство! И еще неизвестно, может, он меня ограбить хотел, да его эта с кудрями спугнула. Как ее... Михална, во!

– Мы оба знаем, что ты пытался вытрясти из Константина деньги, – помрачнел директор. – Мне достаточно обратиться в детскую комнату милиции, чтобы это подтвердить.

– Обращайтесь! Давайте! – Я снова закинул ногу на ногу. – Но даже если так, я его пальцем не трогал. А вот он меня чуть не убил. Так что ему минимум светит превышение пределов необходимой самообороны. Это в самом лучшем, практически нереальном случае. А скорее всего пришьют хулиганку, причем часть вторую, а то и третью, раз шкет энергет. А это от трех лет.

– Так! – хлопнул по столу мужчина, поднимаясь, но потом выдохнул и осел в кресле, сразу постарев на несколько лет. – И чего ты хочешь? Ведь не просто так ты сейчас распинаешься. Знаю я вашу породу, крысиную.

– Пять сотен – и расходимся краями, – с ходу брякнул я, раньше планировавший ограничиться одним столыником, но упоминание крыс меня оскорбило. – Меня тут не было, никого не видел, ничего не слышал.

– А что мешает мне взять тебя за шкирку и выкинуть отсюда? – зло сощурился директор. – Ты, щенок, на детей нападаешь, а теперь еще и с меня бабки вымогаешь? Да я тебя...

– А давайте, – я даже не напрягся. – Давай! Бей меня, ломай меня полностью! Только я молчать не стану. Пойду сниму побои и заяву накатаю! Каждый советский гражданин имеет право на защиту милиции, а я вообще еще ребенок. И не одаренный, между прочим. Посмотрим, как тогда уже вас за химок возьмут. Менты вашего брата еще больше нас не любят.

– Гнида ты, – выдохнул сквозь зубы Иван Сергеевич. – Плесень человеческая. Как вас земля носит, не понимаю.

– Ты мне, дядя, фуфло не втирай, – я нагло оскалился. – Будут лавэ или с ментами будешь ручкаться? А если тебя мусора примут, потом из обкома обязательно приедут и с песочком проработают. Ты ж им показатели испортишь перед Первомаем. Ох и снимут с тебя стружку...

– На, подавись, скотина! – Если бы взглядом можно было убить, я бы уже десяток раз помер... Хотя энергеты и могли, хорошо еще директор дальше пятого разряда не продвинулся. – Больше нету! Бери, или уже я не выдержу и прибью тебя, раз все равно сидеть.

– Сойдет. – Честно говоря, я не рассчитывал больше чем на десятку, а про пять сотен ляпнул от балды, но на столе валялось куда больше денег, которые швырнул Иван Сергеевич, и я тут же смел их в карман. – Премного вам благодарен.

– Пошел вон, – с нескрываемой злобой прошипел мужчина, и я, решив не дразнить гусей, выскочил за дверь, из-за которой мне вслед донеслось: – Еще раз увижу здесь, лично тебя прибью!!!

В этом я не сомневался, как и в том, что больше здесь не покажусь. На душе было мерзко от содеянного, но я дал себе слово, что это в последний раз. А еще, что верну директору двойную сумму того, что он дал мне сегодня. С этого момента у меня начиналась другая жизнь, которую я не собирался тратить на глупости. Если уж меня угораздило попасть в другой мир, значит, надо постараться использовать этот шанс по максимуму.

Выскочив из Дома пионеров словно за мной черти гнались, я немного успокоился и огляделся. Стоило для начала прийти в себя, понять, куда меня занесло и что делать дальше. Правда, тело дернулось было, когда взгляд зацепился за вывеску «Вина/ воды», но я тут же осадил его, без труда вернув контроль. Все, баста! С этого дня сухой закон! Не совсем, конечно, я ж не зверь, но бухать просто так, для дурасти, я не хотел.

А вот перед мороженкой не устоял. Хоть раньше эту сладкую гадость на дух не переносил, но, опять же, скорее из-за образа жигана и хулигана. Такому положено пиво цедить, а не эскимо лизать. А сейчас пошел, купил, сел на скамейку и с удовольствием откусил приличный кусок. И чуть не расплакался от накотивших воспоминаний. Мне удалось еще застать то самое, настоящее советское мороженое, без красителей и химии, но лишь самым краешком. И сейчас, вспоминая вкус детства, я действительно поверил, что нахожусь в СССР. Союзе, где все были равны. Правда, некоторые равнее. Так что немного порефлексировав, я взял себя в руки и принялся думать, что делать дальше.

Бежать в больницу я не собирался, дураков нет. В лучшем случае в дурку закроют, а в худшем попадешь к ученым на опыты. Нет уж, лучше я как-нибудь сам. Потихоньку, полугононьку, тем более что никакого дискомфорта от пребывания в чужом теле я не ощущал. Да и чужом ли, раз, по сути, это я сам, только местный. Уж не знаю, как это получилось, но снова быть молодым мне очень нравилось. Осталось лишь разобраться с оригинальными воспоминаниями.

Получалось очень интересно. Картины жизни чужого вроде бы человека раскрывались передо мной, принося эмоции и ощущения, так что я не мог воспринимать их отстраненно. Хоть и старался. И не без труда, но у меня даже что-то получалось. По крайней мере, удалось вычленивать различия в нашей памяти, что наводило на очень интересные размышления о многомерности бытия. Хотя этот факт уже можно было считать доказанным одним моим существованием. Однако, понятное дело, что бежать к ученым с таким открытием я не собирался. А о смысле бытия и устройстве вселенной хорошо рассуждать в обеспеченной старости, сидя в кресле-качалке у камина. А пока стоило отметить главное.

Во-первых, здесь существовали некие энергеты. Люди, способные управлять какой-то внутренней энергией и творить с ее помощью самые настоящие чудеса. Сжечь город, например, или, наоборот, превратить пустыню в оазис. Возможности энергетов были почти безграничными, и это значительно изменило картину мира, в частности, спасло Советский Союз, потому что появившиеся целители с легкостью поставили на ноги Сталина, и тот до сих пор был жив, правда, уже лет тридцать как отошел от дел. Как и Берия. И, будь я наивным юношей, даже поверил бы в это.

В итоге никакого Хрущева здесь не было, артели и частное производство никто не запрещал, скорее наоборот, череда реформ по либерализации экономики привела к массовому появлению частных предпринимателей и кооперативов. И теперь СССР был похож на Китай из моего мира, ну, может быть, без их упоротости. Появлялись компании, заводы, производящие необходимые людям товары, даже крупные корпорации, естественно, под неусыпным контролем партии и правительства. Так что не скажу, что здесь жили богаче, чем у меня дома, но и не бедствовали. Хоть в целом по сравнению двух миров я мог сказать, что сейчас здесь был период эдакого брежневского застоя, хоть самого Брежнева и не было.

Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а заодно и генеральным секретарем ЦК КПСС являлся Андрей Григорьевич Маленков, сын Григория Маленкова, вместе с прошлым генеральным секретарем Пономаренко проводившим экономические реформы и, по сути, создавшим у нас государство с двумя системами: социалистическим управлением и капиталистической промышленностью. Не всей, конечно, скорее они только заложили основу, а теперь сын продолжил дело отца.

Честно говоря, я очень удивился, натолкнувшись на эти воспоминания альтер эго, поскольку и сам в его возрасте меньше всего думал об учебе и устройстве страны. Разве что они случайно остались с последнего классного часа. Там Еремин Ромка, наш руководитель комсомольской ячейки, читал очередной доклад, на этот раз про экономику. И вроде бы мой двойник его даже не слушал, а поди ж ты, в голове отложилось. И это радовало, не само по себе,

а скорее опосредованно. Тем, что у меня есть шанс добиться здесь чего-нибудь значительного. И я даже знал, чего именно.

Мне сложно было оценить уровень айти-индустрии, но навскидку она существенно отставала от той, что была у нас в две тысячи десятом году. Может быть, это относилось только к СССР, этот вопрос еще следовало уточнить, но если мне удалось переместиться не только в пространстве, но и во времени, то надо было этим пользоваться. Причем с моими знаниями это был просто клад. И я не говорю даже про крипту. Не факт, что она тут появится, хотя я все равно буду следить. Но даже самые простые программы могут стать моими козырями.

На этом я решил пока остановиться. От обилия мыслей у меня разболелась голова. Она и так ныла после удара, и я нащупал на затылке приличную шишку, но теперь боль стала почти нестерпимой. Хорошо еще, не тошнило, а то пару раз я ловил сотряс, в этом мы с альтер эго были абсолютно похожи. Один раз кастетом зарядили в драке, в другой прыгнул неудачно со второго этажа заброшки, при приземлении поскользнулся и лбом в бетон впечатался. Но все равно стоило как следует выспаться. Сон – лучшее лекарство, а в больничку идти я не хотел. Опять прицепятся, что да как, ментов вызовут. Зачем мне новые проблемы.

И, словно услышав мои мысли, на телефон пришло сообщение от матери. Просила хлеба купить по дороге. Я еще раз пересчитал деньги. Вышло пятьдесят четыре рубля, вполне приличная сумма. Подумав, я убрал большую часть под стельку туфель, оставив пятерку на поход в магазин. И, поднявшись, направился в сторону кооперативного. Можно было в государственный сходить, там дешевле, но в частном вкуснее. Там с фермерских хозяйств всегда свежее привозят, а я однозначно сегодня заслужил большую тарелку вкусных пельменей. Со сметаной. И компот, чтобы отметить начало новой жизни.

Глава 1

Затарился я изрядно. Кооперативные магазины здесь сильно отличались от супермаркетов, к которым я привык. Государство строго боролось со спекулянтами, отчего такого засилья разных «Шестерочек», «Океюшек» и прочего непотребства не было. Были крупные универсамы и универмаги, чисто государственные, один-два на район. А вот нишу мелких, шаговой доступности заняли как раз кооперативы. Главное их отличие было в том, что владели ими именно производители товара.

Колхозы, совхозы, артели, частные фабрики и заводы создавали кооператив, который потом открывал свои магазинчики, куда поставлялась их продукция. Мое альтер эго никогда не задумывалось об этом, а я всерьез восхитился такой системой, а главное, что она вполне прилично работала. Понятно, что это была вынужденная мера, чтобы обойти закон о спекуляции, однако при этом до потребителя продукт доходил почти без задержек. И цена на него не задиралась десятками перекупщиков.

С другой стороны, это же сказывалось на качестве, потому как, если нет конкуренции, зачем напрягаться, но тут уже в дело вступали и ОБХСС, и сама администрация кооператива. Потому как если торговать дерьмом, то покупатель уйдет в государственные магазины, где то же самое, только дешевле. Вот поэтому в кооперативных всегда был, и ассортимент, и качество. Да и обслуживание на порядок лучше, чего греха таить.

Правда, раньше мне там были не рады, потому что, как и у себя, мы с пацанами частенько таскали все, что плохо лежит. Я даже пару раз влетал, когда продавщицы успевали среагировать или кто из покупателей оказывался слишком порядочным. Но сейчас деньги у меня имелись, и рассчитался я честь по чести, взяв пару килограммов пельменей высшего сорта, настоящих, а не из сои с не пойми чем, еще горячего хлеба из расположенной здесь же пекарни, густой, вкусной даже на вид сметаны, молока, да еще осталось на большую курицу, не синюшную с птицефабрики, а явно колхозную. Или даже фермерскую, судя по упитанности. Единоличные хозяйства охотно вступали в кооперативы, чтобы не мучиться с реализацией товара.

Впрочем, сильно этим вопросом я не заморачивался. Сельское хозяйство меня и во взрослом возрасте не интересовало, а сейчас подавно. Главное, сытно, вкусно, натурально, остальное мелочи. Пусть сами разбираются, как жить. Так что, выкинув лишние мысли, я с полными сумками рванул домой. Каленого не было дома уже пару дней, и я надеялся, что и сегодня он не заявится бухой, как обычно. С сожителем матери нужно было что-то решать, но не сегодня.

Отношения с ним не складывались ни у меня, ни у альтер эго, да никто и не пытался их наладить. Мама держалась за него: мол, мужик нужен в доме. Для ее сожителя это было место, где всегда можно пожрать, поспать, бухнуть с друзьями и перекантоваться между очередной отсидкой. А меня он просто терпел: мол, путается кто-то под ногами, будет мешать – можно и пинка зарядить. Это дело он любил и не раз колотил мать, да и меня тоже, чего греха таить. И в моей прошлой жизни это закончилось весьма трагично.

Пока я сидел, Каленый в очередной разборке приложил ее чем-то тяжелым по голове и ушел бухать. А когда вернулся, мама была уже холодной. И эта тварь кинулась в бега, никому ничего не сказав. Маму нашли только через две недели, когда соседи учуяли запах. Хоронили в закрытом гробу, так что я даже не смог проститься, несмотря на то что меня отпустили на похороны. Так что к Каленому у меня были свои счеты, и в этой жизни я собирался не допустить подобного конца своего самого близкого человека. Другой вопрос, что сделать это надо было аккуратно, чтобы не нарваться на месть дружков этого упыря.

Каленый был вором, и у него имелась своя банда. Трое таких же утырков, ни на что больше в жизни не годных, кроме как воровать. В той, прошлой, жизни я нашел каждого из

них, но до того, когда у меня появилась эта возможность, прошло много лет и в живых остался только Леня Артист. Мелкий ублюдок, специализирующийся на аферах, отчего и получил погоняло. Моими стараниями урод получил два десятка строгача, где благополучно и сдох от туберкулеза. А вот остальные отправились в ад гораздо раньше. В том числе и Каленый, которого грохнули свои же кореша по пьяни.

Короче, с этим уродом надо было кончать. Убивать его я не собирался, много чести самому мараться. Но вот проверить кое-что из моих старых воспоминаний, совпадают ли они с действительностью, и если да, то слить инфу ментам – это запросто. И с этими мыслями я заскочил в исписанный похабными надписями, зассанный подъезд с разбитой входной дверью, забежал на четвертый этаж и только собрался звонить, когда заметил, что дверь квартиры приоткрыта. А следом услышал крики.

Каленый был дома, трезвый, а потому злой, и занимался любимым делом в этом состоянии – выбивал из матери денег на бутылку. Я швырнул сумки в прихожей и, от ярости сжав кулаки, кинулся в комнату, откуда слышались вопли. И с ходу врезался в замахивающегося кулаком мужика, сбив его на пол. После чего принялся колотить словно сумасшедший, не обращая внимания, куда попадаю.

К сожалению, со взрослым мужиком сейчас мне было не тягаться. Каленый был сильнее меня, да и опытней в драках, пусть я и занимался лет пятнадцать саватом. Но это там, во взрослом теле, а сейчас не успел я и десятка раз ударить, как тот пинком отшвырнул меня, а после, проворно вскочив на ноги, уже сам напал. И бил он куда сильнее, буквально вколачивая меня в пол. Удары сыпались градом, и все, что я мог сделать, – это прикрыть голову руками и свернуться калачиком, что помогало, но очень слабо. Зато мне досталось по почкам, и в какой-то момент я просто потерял сознание от боли. А когда очнулся, надо мной уже стояла мама.

– Коля, прекрати!!! – несмотря на опасность, она даже не двинулась с места. – Ты же убьешь его!!!

– Да я этого гаденьша порву!!! – Каленый в бешенстве зарядил матери по лицу, но та хоть и едва не упала, все равно не отступила. – Ты на кого руку поднял, сучонок?! Я тебя, падаль, научу старших уважать!!! Живешь за мой счет, жрешь, пьешь и кидаться на меня будешь?! Валька, пошла на хрен, порешу!!!

– Не дам!!! – Мама буквально накрыла меня собой. – Коля, не надо!!! Не надо, Коля!!!

– Ах ты сука!!! – Сожитель, и так злой как собака, буквально взбесился, обрушив град ударов уже на нее. – Я из тебя дурь быстро выбью!!!

– Колька, паскуда!!! – из-за входной двери раздался голос соседки сверху, бабы Мани. – Опять Вальку колотишь?! Ужо я наряд-то вызвала! Сядешь теперь!!!

– Уйди, старая кошелка!! – рывкнул Каленый на неожиданную заступницу. – Мусорам меня сдала?! Так я тебе красного петуха пущу!

– Люди добрые, вы посмотрите, что творит варнак!!! – тут же заголосила громче прежнего старушка. – Сжечь меня собирается! Совсем озверел, паскудник!!! Вот сейчас участковый придет, он тебе устроит!!! На Колыму поедешь!!!

– Ну, твари. – Мужик рыкнул, словно загнанный зверь, но ждать ментов не стал, а, схватив пиджак и кепку, вылетел на площадку, едва не прибив по дороге бабу Маню. – Ну, суки, вы у меня еще попляшете!

– Иди-иди, ирод!!! – ничуть не испугалась угроз боевая бабка. – Взял моду чуть что, так в морду! Вон мальчика чуть не пришиб!

Каленый плюнул на пол и ушел, а я попытался выпрямиться и чуть не загнулся от боли. Болело все: и голова, по которой пару раз здорово попало, и отбитые внутренности, и руки, которыми я прикрывался. Двигаться было почти невозможно, но я, сцепив зубы, чтобы не орать, все равно поднялся на ноги, чтобы не пугать мать, хлопчущую вокруг меня. Ей тоже

изрядно досталось, под глазами расплывались синяки, но она словно не замечала этого, причитая и пытаясь мне помочь.

– Я в порядке, мам, – слова вылетали с трудом, но я сделал вид, что все нормально. – Серьезно. Там это, в коридоре сумки с едой. Прибери, а то пельмени слипнутся.

– Да какие пельмени! – мама всплеснула руками. – Тебе в больницу надо!

– Никуда я не поеду. – Мне было хреново, но я не собирался тратить время на больницы. – Отлежусь немного, завтра буду как новый. Мне и больше доставалось.

– Семка крепкий парень, – заглянула в комнату баба Маня, до этого деловито шуршащая на кухне. – Я сумки-то прибрала. А ты, Валька, на-ка к глазу приложи. А то завтра и не откроешь его, поди. Сколько я тебе говорила, гнать надо этого уголовника. Сегодня чуть не прибил, а завтра зарежет. На кой тебе такой мужик нужен, не пойму. Справная же баба, а с таким дерьмом связалась.

– Да я... – начала было оправдываться мама, но лишь тяжело вздохнула.

Я ее понимал. Мама была сиротой, родителей своих никогда не знала, те отказались от ребенка. Может, поэтому, когда сама забеременела, оставила меня, несмотря на то, что папаня мой, биологический то есть, пропал без вести. Мама говорила, что на войне, но я ей особо не верил. Мне ли не знать, как мужики пропадают, недаром пословицу придумали «наше дело не рожать, сунул, вынул и бежать». Насмотрелся по жизни на таких беглецов. Поднимать меня одной ей было очень тяжело, да и молодая она тогда была, только-только восемнадцать стукнуло. А тут Каленый. При деньгах, да сорил ими, не считая. Он много раз мне рассказывал, сколько тогда на мать и на меня потратил. Чтобы я, значит, проникся. Это потом она узнала, что он уголовник-рецидивист, но как-то привыкла, что ли, уже к тому времени.

Это потом я уже понял, что выносил из дома убудок гораздо больше, чем давал. Но оно и понятно, для него это был не дом, а место, где можно было пожрать, побухать, помять бабу и пересидеть какое-то время. Таких у Каленого было штук пять по всей стране. И ни одной женщине счастья он не принес, так что никаких моральных терзаний на его счет у меня не было. Скорее наоборот, я собирался избавить мир от гнусной твари, без которой всем станет только лучше.

Мама помогла мне добраться до кровати, и, приняв пару таблеток диклофенака, я уснул, так и не дождавшись пельменей. Правда, утром меня накормили от пуза и ими, и вкуснейшим куриным бульоном. Вчера мне капитально повезло, что не словил сотрясение мозга, и сейчас хоть все болело, но в целом я чувствовал себя относительно неплохо. Даже почки вроде работали, ну как минимум крови в моче не было. Мать, конечно, требовала сходить в больницу, но я махнул рукой. До свадьбы заживет. Мне же срочно нужно было заняться делом. И, достав чистую тетрадь с ручкой, я принялся писать.

Моим основным капиталом были знания, накопленные за жизнь. Причем, как я сейчас понимал, совершенно разные, не обязательно именно из айтисферы. Но те же песни и музыка, например. Миры-то разные и далеко не во всем совпадали. Так что, покопавшись в воспоминаниях своего альтер эго, я с удивлением обнаружил, что многих хитов здесь просто не знали. Жаль только, что мне самому не просто медведь на ухо наступил, а целое стадо косолапых устроили денс-баттл. Поэтому вокал в моем исполнении напоминал изошренную пытку, причем запрещенную всеми конвенциями мира. Но ничего не мешало мне их продать, тем более что с этим здесь проблем не было. Да, на телевидении была цензура, но это я скорее одобрял. А то достала уже звенящая пошлость, выдаваемая за свободное искусство. К тому же в моей памяти хватало политически верных песен, которые с легкостью прошли бы любую проверку.

Со сценариями кино и книгами было сложнее. Даже если я помнил их содержание, все равно воплотить это во что-нибудь удобоваримое было весьма непросто. Ну не писатель я, что поделаешь. Но сами истории в виде короткого синопсиса я все же записывал. Ну мало ли что, запас карман не тянет.

С играми было еще сложнее, потому что мой альтер эго был максимально далек от вычислительной техники и плохо понимал, что это вообще такое. Его максимум – простейшая восьмибитная приставка, на которой обнаружили вечные «танчики», «Марио» и остальные прочно забытые хиты. К тому же фактически закрытый интернет не давал узнать, что там за бугром. А попробовать на крепость отечественную версию Великого китайского файрволла у меня не было возможности из-за отсутствия компьютера. Так что я ограничился лишь перечислением проектов и уделил время только редким хитам с возможностью быстрой реализации, типа «Майн-крафта» и «Террарии».

Но самой главной ценностью, естественно, были знания о различных айти-проектах. И вот тут мне было где развернуться. Однако, начав рисовать алгоритмы, я вдруг наткнулся на весьма неожиданную проблему. А все потому, что у нас использовали двоичную систему и, соответственно, процессоры работали именно на этом принципе, а здесь, в СССР, основной рабочей машиной была «Сетунь-2000», имеющая троичную систему.

К своему стыду, я мало что о ней знал. Слышал, что «Сетунь» в семидесятых годах была единственной серийной ЭВМ на троичной системе, но для меня это было что-то вроде исторического анекдота. Забавный факт, не более. Однако сейчас суровая реальность подкралась и укусила меня за задницу. Это было неприятно. Нет, я знал, что, если дать мне время, я вполне освою языки программирования на троичной системе. Тем более что, как я слышал, они были проще знакомых мне, из-за некоторых ключевых особенностей. Но прямо здесь и сейчас реализовать свои идеи я не мог.

Это был серьезный удар. Я уже распланировал, как скопирую десяток-другой программ. Стану предпринимателем, уважаемым человеком, и все такое. Но, как обычно и бывает, в жизни оказалось не все так просто. Однако могло это меня остановить? Конечно, нет! Я всю жизнь боролся, зубами выгрызал путь в светлое будущее. И что мне какие-то различия в системах, если можно для начала найти человека, который возьмет на себя основную работу. Ведь именно в этом и реализуется талант начальника. Не пытаться все сделать самому, а подобрать грамотных исполнителей. Петя я вон тоже сам не собираюсь, так чем кодинг хуже?

Через несколько часов я устал так, как никогда раньше, и это было только начало. Я не перенес на бумагу даже половины того, что знал и помнил, а уже вымотался так, что руки поднять не мог. Конечно, будь у меня компьютер и старое тело, все вышло бы проще, слепой метод печати я освоил лет двадцать назад, но мой альтер эго о таком даже никогда не слышал. А надиктовывать голосом на диктофон в телефоне я откровенно боялся. Любая утечка информации могла вывести на мой след КГБ, и тогда быть мне подопытным кроликом. При любой системе и любой власти богатые и обладающие влиянием люди пойдут на все, чтобы обеспечить себе личное бессмертие. А как еще можно было назвать переселение души?

Однако и вечно прятаться я не собирался. Рано или поздно я со своими проектами окажусь под прицелом, а значит, надо было сразу дать госбезопасникам что-то, что их задобрит. И оно у меня было. Соцсети! Здесь, ну как минимум в СССР, ничего подобного просто не было. Остальные страны меня не волновали, даже если там существуют аналоги, их можно смело слать в задницу. В Союзе же из мессенджеров имелось лишь слабое подобие «Аськи», да и то с весьма обрезанным функционалом. А вот полноценная соцсеть с возможностью делиться фото, видео, музыкой, создавать свои группы и сообщества, ммм... Это просто конфетка! Которая может кормить меня долгие годы.

Только вот никто не даст мне создать и запустить аналог ВК просто так. Зная наших бюрократов, они грудью лягут на амбразуру, но не допустят ничего такого. Как так, люди будут собираться, болтать, и все это без контроля родной партии и правительства?! Запретить!!! Да и технически создать такой проект весьма непросто, особенно в свете открывшихся проблем с программированием. И вот тут как раз чекисты могут мне помочь. Только для начала надо что-то им показать, чтобы не быть голословным.

А значит, надо начать с чего-то попроще. Что приучит пользователей к самой идее соц-сетей, покажет чиновникам, что это не так страшно, а также даст мне кое-какую рекламу для следующих проектов. А что у нас самое простое? Правильно, та самая синяя птичка. Сто сорок символов, и ничего более. Куда уж проще. В голове сама собой возникла примерная схема работы подобного приложения, и я поспешно перенес его на бумагу. Все-таки я был профи и разбирался в вопросе. А как реализовать это в моих новых реалиях, придумаю.

Через пару часов, усталый, но довольный, я откинулся на спинку стула. Работы предстояло еще очень много, я даже десятой части не записал из того, что помнил. Но больше просто не мог, пальцы сводило судорогой. Да и ночь уже наступила, вон за окном темно. Мама сегодня в столовой работала в ночную смену, так что я был один. Но, несмотря на усталость и все еще болевшую тушку, спать не хотелось. А раз так, можно и нужно было заняться своей физической формой. То, каким я был сейчас, меня категорически не устраивало. И, надев спортивный костюм и кеды, я пошел бегать. Правда, в последний момент сунул в карман подаренную одним из корешей Каленого стилет-выкидуху. Мало ли, прицепится кто, а драться я сейчас был не в силах.

Глава 2

Натянув капюшон толстовки, я выбежал на улицу. Двигаться было больно, но я заставлял себя, понимая, что если сейчас сдамся, то потом тем более не заставлю себя что-то делать. Так что сцепил зубы и побежал... чтобы буквально через тридцать метров наткнуться на своих дворовых корешей. Несмотря на то что мир был другой, они ничуть не изменились.

Шпанята расположились на детской площадке, бренькая на гитаре и распивая дешевый портвейн из пакета. Меня, естественно, заметили и замахали руками. Мысленно поморщившись, я подошел к компании, поздоровавшись со всеми за руку и плюхнувшись на лавку, с которой согнал самого младшего из гоп-компании по прозвищу Сопля. Мне попытались было сунуть в руку стакан с бормотухой, но я отказался.

– Не, я в завязках пока, – я даже поднял руки, показывая, что не буду пить. – На колесах, если с бухлом смешать, можно крышей поехать. Буду потом бегать воробьям дули крутить.

– Гы-гы-гы, – заржал Зема, главный авторитет среди шпаны, успевший отсидеть полгода на малолетке. – Ты даешь, Чобот. Кто тебя так разукрасил? Каленый?

– Ага, – я поморщился от боли. – Ладно, разберемся. Вы-то чего бухаете?

– На вокзале у двух лохов телефоны ломанули. Новье, финские! – Зема был поддат и благодушен, лапая Ленку, одну из центровых девах, тусующихся с дворовыми. – Почти сотку подняли, прикинь!

– Подфартило, – кивнул я, мысленно поморщившись от своего двуличия. – Менты-то не заметут? Трубки не наши, так просто не обнулишь.

– Нет у них методов против Лехи Земакова, – заржал Зема. – Есть у меня один лох, который любую трубу обнулит. Даже наладонники ломает на раз-два. Думаешь, почему их у меня по такой цене забирают? Так-то обычно по пятнашке берут.

– Слушай, а меня можешь с ним свести? – я тут же сделал стойку, как легавая собака на кровь. – Ну, с этим твоим хакером.

– С кем? – опешил хулиган. – Он вроде нормальный был, не из этих... Вот падла!

– Да нет. – Я мысленно дал себе подзатыльник и сделал пометку меньше палиться незнакомыми словами. – Так за бугром называют спецов по взлому разных цифровых прибулд.

– А, ну я в курсе, – важно кивнул Зема и тут же подозрительно взглянул на меня. – А тебе на хрена?

– У меня же экзамены скоро. А тут одна птичка насвистела, что, дескать, есть вирус компьютерный, который может систему ломануть. Сам-то я в этом не шарю, так что нужен спец. А раз телефон сломать может, значит, и комп тоже, – выдал я с ходу придуманную легенду. – Только в школе базарить с кем – это палево дикое. А больше я никого и не знаю.

– Ни хрена ты, Чобот, голова, – тут же оживились пацаны. – Реальная тема!

– Это тебя Каленый так приложил? – вылез Сопля. – Я слышал, если по башке дать, то можно гением стать. Сразу на иностранных языках базарить начать.

– А давай проверим, – я повернулся к мелкому гопнику. – Тащи кирпич. Ща по балде тебя оприходуем и посмотрим, забазаришь по-английски или нет.

– Да иди в пень, – отодвинулся от меня подальше малой. – Мне и так зашибись.

– Вообще, тема здравая, – подал голос Зема, якобы обдумывающий мою идею, – надо по трезвянке перетереть.

– Лады. – Дальше давить было глупо, Зема уперся бы специально, чтобы свой авторитет показать, так что я решил сбавить обороты и переключить внимание. – Слышь, Крючок, дай-ка гитару.

– Ты ж играть не умеешь, – буркнул наш дворовый музыкант, но инструмент отдал. – Не сломай.

– Все нормально будет, не ссы, – отмахнулся я. – Чего тут уметь, три аккорда. Короче, песня. Новая. Называется «Без баб и водки».

Шпана заржала, а я, брякая как бог на душу положит, принялся орать песню, неизвестно как оказавшуюся в моей памяти. Шансоном я не увлекался, но жить в России и не слышать его было нереально, особенно если когда-то тянул срок. Вот в памяти и задержалось десяток-другой песен. А я сегодня их выписал в тетрадку, заодно и обновил воспоминания. Словно знал, что пригодится.

– Ништяк!!! – Зема от избытка чувств хлопнул себя по ляжкам. – Сам сочинил?!

– Ага, – я кивнул, не опасаясь, потому как про такую группу здесь никто даже не слышал. – Нравится?

– Да песец просто. – Малолетний авторитет повернулся к остальным. – Скажите, пацаны, кайфово?!

– Суперски, круто, – наперебой принялись поддакивать те, а Крючок попросил слова переписать.

– Да погоди ты, – осадил Зема музыканта. – А еще чего-нибудь можешь?

– Ну, давай попробуем. – Я покопался в голове и решил пройтись по творчеству Круга. – «Владимирский централ».

– Мля, у меня там батя сидел, – восхитился Зема. – Давай, жги!

Песня нашла благодарных слушателей. Пацаны даже притихли, а девки как-то незаметно переместились ко мне, усевшись по бокам. Причем Зема даже не заметил, хотя обычно весьма резко реагировал, если Ленка при нем с другими заигрывала. Я допел последнюю строчку, неумело брякнув по струнам, и отложил гитару, чтобы отдышаться.

– Зашибись, – Зема смахнул слезу. – Крючок, слова запиши! Бате спою, пусть порадуется.

– Сема, а про любовь чего-нибудь можешь? – принялась ластиться Ленка, отчего меня передернуло. Раньше-то я был бы на десятом небе от счастья, а сейчас, исходя из своего прежнего опыта, представил, какой там венерический букет, и от омерзения меня чуть не вырвало, благо из-за темноты никто не заметил моих кривляний.

– Про любовь? – Я задумался на секунду. – Могу и про любовь. Аттестат в крови, по бокам конвой...

Новая песня зашла еще лучше, под конец припев пели все вместе, перекрикивая друг друга. Было видно, что пацанам она прямо на душу легла. А меня буквально распирало от самодовольства. Я купался во внимании, правда, довольно быстро пришел в себя. Признание шпаны – это, конечно, хорошо, но цель у меня другая. А то вон чуть под настроение портвейна не хапнул. Ну его, надо завязывать с этой музыкой.

– Ладно, Крючок, держи гитару, – я отдал инструмент, не обращая внимания на просьбы повторить. – Пойду я. Дела есть. Зем, когда по хакеру перетрем?

– А? – словно очнулся тот. – Да чего там. Ты правильный пацан. Это Хомяк, из одиннадцатого «А» твоей школы. Знаешь такого?

– Хрен знает, – я пожал плечами. – Вроде нет, но найду. Спасибо. Сочтемся. Бывайте, пацаны.

– Заходи еще, Семочка, – крикнула мне вслед Ленка, а я поморщился.

Этого еще не хватало. Зема сейчас под воздействием момента, вон даже своего лоха сдал. А когда отойдет, он и Ленке навалит, и мне предъявит. Вот на хрена мне эти проблемы? Но ладно, будем решать их по мере поступления. Главное, что есть контакт, а с дворовым авторитетом у нас так и так будет заруба. Я прекрасно помнил, что он шестерил Каленому, вряд ли в этом мире будет по-другому. Но пока меня больше интересовал хакер.

Судя по обмолвкам, за работу он Хомяку не платил. Угрожал, шантажировал, не знаю, но наверняка что-то такое. Однако, если этот задрот окажется достаточно умным и умелым, я

готов был пойти на конфликт и выцарапать его у шпаны. Просто потому, что это сделало бы его уже моим должником.

Да, это было подло в какой-то мере. Но, с другой стороны, я не собирался заставлять его пахать на плантациях от забора до заката. И ничего криминального делать тоже. Скорее наоборот, с моей помощью у этого парнишки был неплохой шанс стать настоящим профессионалом. Так что с моральной точки зрения я считал себя правым.

С этими мыслями я направился в ближайший парк. Да, можно было побегать вокруг квартала, но после встречи с корешами это превратилось в плохую идею. Пока что я не хотел обострять конфликт, а этого не избежать, скажи я, что занимаюсь спортом. Зема мгновенно найдет до чего домотаться, а пока я был не готов на прямую конфронтацию. Так что нашел вот такой компромисс. Тем более что ночью в парке народу почти не было.

Маньяков или шпаны я не боялся, в отличие от нормальных людей, и две девчонки лет восемнадцати на входе в парк шарахнулись от меня, как от чумы. Я хмыкнул, глянул на лозунг «Все ради человека, все во имя человека», вспомнил, во имя какого человека это было у нас, плюнул и побежал дальше. Вообще, ночами тут шариться не рекомендовалось, особенно молодым девчонкам, да и вообще женщинам. Запросто можно было наткнуться на шпану типа дворовой гоп-компании или на кого похуже. Ходили слухи, что здесь регулярно кого-то насиловали, и я в это верил. Место такое... глухое. Мало того что почти не освещенное, так еще и сильно заросшее, если отойти чуть дальше от дорожек.

Менты с этим боролись как могли, но был нюанс. Здесь пролегал самый короткий путь к жилому кварталу. Обходить было долго и неудобно, но большинство так и делало, однако всегда находились желающие рискнуть, типа тех девок, что я встретил. Наверняка есть баллончик с перцовкой, то-то одна дернулась к сумочке, вот и решили, что им море по колено.

Но вскоре я выбросил этих дур из головы. Бежать было очень тяжело, я задыхался, буквально заставляя себя делать следующий шаг. В боку нещадно колело. Скоро должно было открыться второе дыхание, но его все не было, а избитое тело стонало и выло от моих издевательств. Хотелось лечь и умереть. И в итоге, как бы я ни крепился, мне пришлось перейти на шаг. Но это была максимальная побряжка, которую я себе дал. И сто раз проклял за курение и прочее.

Такими темпами я с трудом завершил первый круг, вернувшись обратно ко входу. И, не останавливаясь, пошел на второй, то и дело срываясь на бег, но недолгий. Силы стремительно таяли, и вскоре даже просто идти я уже не мог. Нет, так-то я был в нормальной форме, не хуже остальных в классе и во дворе, а может, даже лучше. Но вчерашнее избиение Каленым давало о себе знать. Снова разболелась голова, занули почки. Возможно, я зря не пошел в больничку. Вдруг у меня действительно что-то серьезное? Теперь я уже ни в чем не был уверен и без сил плюхнулся на лавочку, пытаюсь отдышаться. И замер, потому что из кустов в глубине парка донесся вскрик, резко стихший, будто кричащему кто-то заткнул рот.

От досады я сплюнул на землю, поминая тупых баб и всю их родню. То-то я не видел этих девок на дорожке. Я-то думал, им хватило ума при виде меня пойти в обход. Но, похоже, оказалось, что мозгов у них нет вообще. И естественно, по закону подлости эти мокрощелки нашли приключения на свои задницы. Казалось бы, плевать, они сами виноваты, но на душе скребли кошки. Там, где мы встретились, еще светили фонари, а морду я не прятал. Так что была вероятность, что, когда те напишут заявление, на меня повесят всех собак. Ментам-то все равно, кто прав, кто виноват. Есть подозреваемый – ату его. А как они умеют выбивать показания, я прекрасно помнил.

Выматерившись вслух, я поднялся и двинулся туда, откуда шел крик. На счастье, сегодня было полнолуние и довольно светло, хоть кусты и деревья отбрасывали густые тени. Но в целом разглядеть, куда идти, было можно. К тому же вскоре я услышал возню и звуки рвущейся ткани. Жаль, была бы шпана или просто грабители, было бы проще. А вот что делать с насильником,

я не знал. Что он один, было понятно по тишине, даже двое обязательно бы переговаривались, а тут ни слова, только тяжелое пыхтение, хорошо слышное даже на расстоянии.

– Эй, мужик! – Выдохнув, я резко проломился через кусты, сжимая в кармане нож, но пока не вытаскивая его. – Ты какого хре...

Слова застряли у меня в горле, потому что такого я не ожидал. Нет, девки были тут, валялись на траве без сознания, и к одной из них, с разорванной одеждой, уже пристраивался какой-то урод. Дело было как раз в нем. Я ожидал чего угодно, только не того, что насильник окажется уродом в прямом смысле этого слова. Его тело было раздуто так, что одежда полопалась. Голова словно состояла из шишек. Лицо перекошило, и язык вывалился, свисая ниже подбородка. А на руках и ногах виднелись самые настоящие когти.

– Мля... – только и смог прохрипеть я, разворачиваясь и кидаясь обратно.

Девочек было жалко, но я ни фига не герой. Я, можно сказать, только жить начал, почувствовал возможность сделать все так, как хочу, и заканчивать путь в когтях неизвестно откуда взявшейся твари я не планировал. Пусть лучше мне потом будет стыдно, но я буду живой. К сожалению, у монстра имелись иные планы.

Пулей вылетев на дорожку, я не успел оглядеться, как позади послышался хруст веток, с которым насильник проламывался через кусты. И я понял, что думать некогда, надо валить. Тем более что усталость как рукой сняло, видимо, не так уж у меня все и болело. Нет, конечно, можно было поиграть в героя, но слишком уж этот урод напоминал зомби или какого-нибудь монстра из игр или фильмов. Только вот, к сожалению, я не был главным героем. У меня не было ничего: ни тебе сверхспособностей, ни оружия. Нож казался таким же бесполезным, как зубочистка. Им точно так же можно было ткнуть противника пару раз и эпично сдохнуть, как в том мемчике с медведем.

Сюда бы этих самых местных энергетов, да не юниора или какого-нибудь разрядника, а кандидата в мастера, мастера или выше. Вот те с легкостью раскатали бы тварь по асфальту, если верить слухам об их возможностях. Или спалили бы на хрен. Или заморозили. Вариантов масса, все зависело от аспекта. Но, к сожалению, мое альтер эго одаренным не был, о чем я впервые пожалел. Хрен бы с ним, с обязательным контролем государства над одаренными, зато сейчас не трясясь бы, словно заяц, в поисках выхода.

Нужно было валить, один вопрос, куда именно. В парке был опорный пункт милиции, но он работал только летом. Пока же там никого не было. Зато чуть дальше, через квартал, возле памятника солдатам, погибшим в Великой Отечественной, менты дежурили постоянно. Вот пусть и разбираются с этой тварью. И с тупыми бабами тоже. Не думаю, что они смогут обвинить во всем меня, если я сам приведу ментов. Значит, решено, я крутанулся на пятках, поворачиваясь в сторону выхода из парка, и рванул изо всех сил, словно до этого не бегал вовсе.

К сожалению, у монстра оказались другие планы. Хоть на принятие решения я затратил всего какое-то мгновение, этого оказалось достаточно, чтобы мой противник тоже сориентировался и начал действовать. Я-то надеялся, что у меня есть фора и успею убежать, но чудом остался цел, когда с неба прямо передо мной рухнула искореженная туша, тут же попытавшаяся сцапать меня жуткими когтями. Этот урод просто прыгнул, разом перемахнув несколько десятков метров!

Нет, я уже знал, что энергеты так могут, недаром для них даже отдельные соревнования проводят. КМ с легкостью может бегать по стенам, а Мастера аспекта воздуха даже летать. Но с чего этот черт скачет как угорелый, я не понял! Правда, спрашивать не стал, тут же развернувшись и задав стрелкача в другую сторону. И успел услышать за спиной какой-то утробный всхлип, а в следующее мгновение монстр снова рухнул передо мной. Будь я чуть быстрее, точно вляпался бы. А так лишь в прыжке двумя ногами зарядил ему в морду и тут же откатился в сторону, не дав себя схватить. Вечер, как говорится, перестал быть томным.

Я стартовал прямо из положения лежа. Раньше у меня такое никогда не получалось, но сейчас вышло естественно, будто я много лет тренировался. Причем на этот раз я свернул с дорожки, направившись в заросли. Да, это могло снизить скорость, но черт побери, она мне и так не особо помогала! Зато деревья могли прикрыть от гребаного прыгуна, а кусты сбивали ему прицел, скрывая меня в полумночных тенях.

И это сработало! Следующий прыжок монстра оказался куда менее удачным. Он всей тушей врезался в дерево, сломал его и рухнул на землю метрах в пяти от меня. Причем в стороне, а не впереди, как обычно. Это был несомненный успех, и я закрепил его, сменив направление. Бежать по прямой было однозначно нельзя.

Правда, тут же возникла другая проблема. Я тупо заблудился. Оказалось, это очень легко сделать, когда несешься как угорелый ночью в парке, уворачиваясь от деревьев и не глядя по сторонам. Нет, я регулярно выскакивал на тропинки, но выхода из парка так и не увидел, да и задерживаться на них не смел. Хренов насильник и не думал отставать, все так же преследуя меня огромными прыжками, и открытое место было смертельно опасным. В том, что этот урод меня убьет, если поймает, я не сомневался. И дай бог, если только это. Болтающаяся у него между ног елда размером с полено намекала, что все может быть гораздо хуже.

Причем с каждой секундой вероятность плохого исхода нашего противостояния становилась все больше. Я и до этого едва двигался, но шок и адреналин придали мне сил. Однако чем дальше, тем больше я уставал. Ноги слушались с трудом, дыхание было похоже на прохуdivшуюся гармонь, на которой играет пьяный вусмерть гармонист, пот заливал глаза, а в голове был полный сумбур и ни одной дельной мысли. Выхода из сложившейся ситуации я просто не видел, продолжая бежать, постоянно меняя направления, падая, поднимаясь и снова устремляясь вперед.

Сам же монстр, казалось, ни капли не устал. Он все так же резво скакал за мной, точнее, передо мной и, если бы не постоянные повороты, давно бы уже меня достал. Однако ничто не длится вечно, и для меня финалом стало, когда я выскочил на небольшую прогалину и запнулся обо что-то, покотившись по земле. Лишь через секунду я понял, что это была одна из тех девчонок, о которых я уже успел забыть. Мы вернулись туда, откуда все началось, только теперь шансов сбежать у меня не было, потому что, лежа на спине, я видел, как с неба прямо на меня падает этот урод. И все, что я мог сделать в этой ситуации, – это выдернуть из кармана нож, со щелчком раскладывая его и поднимая навстречу летящей туше.

Монстр рухнул прямо на меня, буквально насадившись на лезвие. И завыл впервые с начала нашей погони. От жуткого рева у меня закружилась голова, но я не потерял сознание, толкая лезвие вперед и вверх, насколько это было возможно. И почувствовал, как оно уперлось во что-то, потом соскользнуло и вдруг погрузилось на всю глубину, а мне на руки хлынул поток крови. Одновременно с этим урод вдруг замолк, как-то весь затрясся и, замерев, рухнул на землю, к счастью для меня, в сторону. А в следующую секунду от него отделился черный шар, настолько темный, что даже ночью он казался просто пятном мрака, и скользнул ко мне, втянувшись внутрь. Это произошло настолько быстро, что я подумал, будто мне показалось.

Я с трудом заставил себя выпустить нож из рук, медленно отползая от замершего монстра, понимая, что я только что убил его. И тут меня накрыло. По телу словно прошла горячая волна, начиная с рук, опустилась в живот и там взорвалась, омывая каждую клетку, каждый орган и мышцу. Я одновременно горел и замерзал, меня трясло, сжимало и выворачивало, словно белье в машинке. Не знаю, сколько это длилось, но закончилось как-то вдруг. Я снова лежал на траве, не понимая, что со мной произошло, однако долго наслаждаться покоем мне не дали. Желудок вдруг забурлил, и все, что я успел, – это забежать в ближайшие кусты, на ходу стягивая штаны, чтобы уж совсем не опозориться.

Глава 3

Самое поганое – это сидеть и ждать, без возможности как-то повлиять на происходящее. Я никогда этого не любил, но со временем научился, так что молча сидел в «обезьяннике», не пытаясь орать, чтобы меня выпустили. Понятное дело, что, даже будь я трижды прав, никто не отпустит просто так человека, которого взяли без штанов рядом с парой девчонок, валяющихся без сознания и в разорванной одежде, и трупом с ножом в сердце. А на ноже мои пальчики. Короче, положение было хуже некуда. Но самая ирония заключалась в том, что, избежав отсидки за мелкое преступление, я вляпался по самое не могу, и теперь мне светила та же зона, но на гораздо более долгий срок. Есть от чего поверить в судьбу и предопределенность.

– Чеботарев? – К решетке подошел незнакомый сержант. – На выход!

– С теплыми вещами? – невесело пошутил я. – А там Белое море на Черное поменять нельзя?

– Юморист, тля. – Сержант презрительно цыкнул. – Ты пошути, пошути, я тебя мигом научу родину любить. Давай шустрее, следователь приехал.

Я выдохнул, собираясь с мыслями, и поднялся. Сейчас все должно решиться. Дознавателю я рассказал, как оно было, поверила она мне или нет, уже другое дело. Лично я бы не поверил. Но мало ли что в жизни случается, зачастую такое, что логически объяснить нельзя. Одно мое переселение чего стоит. Осталось убедить следователя в том, что я невиновен, но на этот счет у меня были большие сомнения. Надежда оставалась лишь на тех самых девок. Да, они могли и на меня все свалить, но все же должны были хоть немного рассмотреть того, кто на них напал. И если наши показания совпадут...

– Ну и несет от тебя, – поморщился конвоир. – Обделался, что ли?

– Нет, – огрызнулся я. – Новый французский одеколон. «Же пердю» называется.

– Ничего, – заржал тот. – Сейчас, значит, обделаешься. Так сказать, чтобы полный букет был!

Отвечать я не стал. Да и какой смысл разговаривать с тем, у кого одна извилина и та от фуражки. Сразу же видно, что этот бычара тут не для того, чтобы думать, а чтобы нужные показания выбивать. Слишком вольготно и разнузданно ведет себя. Патрульные хоть и резкие, но не глумятся. Понимают, что на улицах всякое может случиться. За дело могут и почки опустить, но чтобы вот так, на ровном месте, вряд ли.

– Тащ капитан, задержанный Чеботарев прибыл, – стукнулся сержант в дверь, а затем запахнул меня в кабинет. – Сидеть! Руки перед собой!

– Свободен, – кивнул ему молодой, лет двадцати двух от силы, следак, Аникин Сергей Иванович, если верить табличке на двери, и, дождавшись, пока за сержантом закроется дверь, повернулся ко мне. – Так вот ты какой, Чеботарев. Что, с мелкого гоп-стопа перешел на мокруху?

– Это была самозащита. – Отпираться было глупо, но и признаваться в убийстве я не собирался. – Я спасал жизнь и здоровье – свои и девушек.

– Ну да, от жуткого монстра, – презрительно скривился следак. – Только вот монстра там нет. А есть гражданин Смирнов, семьдесят третьего года рождения. Не состоял, не привлекался. Есть гражданки Кузнецовы, девяносто второго и девяносто четвертого годов рождения. Обнаружены без сознания, со следами насильственных действий. А также гражданин Чеботарев Семен Павлович, девяносто четвертого года рождения, неоднократно задержанный по подозрению в совершении различных правонарушений, состоящий на учете в детской комнате милиции, и, что характерно, без штанов. Ну что, есть что сказать?

– Это была самозащита. – Да, ситуация выглядела крайне погано, но облегчать жизнь ментам я не собирался. – Девушки, эти самые Кузнецовы, должны подтвердить, что не я на них напал. И отпечатков моих на одежде у них нету!

– То есть, что нож твой, ты не отрицаешь, – довольно кивнул Аникин. – Уже хорошо. А насчет девок – опознали они тебя. По фото. Говорят, ты за ними с самого начала шел.

– Они ошибаются, – я скрипнул зубами. – Знать их не знаю. Я вообще просто спортом занимался, бегал.

– Мне-то не бреши, Чобот, – зло оскалился следак. – Ты бегаешь только за бухлом и от ментов. По тебе же зона давно плачет. Как ты еще на малолетку не загремел, не понимаю, недоработочка вышла. Но мы это исправим. Так что не свисти мне про спорт, бегун хренов. Колись давай, чистосердечное признание, оно облегчает наказание. Что, пытался девок в парке разложить, а этот Смирнов помешал? Ну ты его выкидохой и приголубил, так?

– Да ни хрена! – Как я ни старался держать себя в руках, но тут буквально взорвался, хоть сам не ожидал от себя подобного. – Да, я не ангел, но никогда баб не трогал! С хрена ли сейчас они мне нужны стали?! Да и на мокруху не подписался бы, не стоят они того! Я ж говорю, этот Смирнов в какого-то монстра превратился и на девок напал. Я сам чудом жив остался. Да там половину парка разнесли, пока он за мной гонялся! Просто по сторонам посмотрите!

– Ты меня поучи еще, – презрительно прищурился Аникин. – Значит, писать чистосердечное не будешь?

– Нет. – Запал у меня прошел, и я жопой почуял приближение крупных неприятностей.

– Ну на нет, как говорится, и суда нет, – заржал над своей тупой шуткой следак. – Зуев! Давай слоника!

– Думаю, сегодня обойдемся без него. – Вместо сержанта в кабинет вошел мужчина лет двадцати пяти в строгом костюме и со значком КМ на лацкане. – Доброе утро. Тихомиров Илья Демидович, Комитет государственной безопасности. Я забираю юношу.

– На каком основании? – скривился Аникин.

– Вот, пожалуйста, постановление о передаче дела нам, – протянул ему бумагу комитетчик. – Так что будьте добры...

– Да подавитесь. – Следак с перекошенной рожой захлопнул папку и буквально швырнул ее Тихомирову.

– И наручники с молодого человека снимите, пожалуйста, – лучезарно улыбнулся чекист. – Не бойтесь, от меня не убежит.

– Зуев! – рявкнул Аникин, мрачнейший на глазах. – Сними.

– Так это... – непонимающе захлопал глазами тот.

– Делай, что говорят! – рявкнул следователь, показывая крайнюю степень раздражения, и, дождавшись, пока сержант выполнит приказ, ехидно добавил: – Поздравляю вас с раскрытием.

– Да не за что, – отмахнулся чекист с доброй улыбкой. – Всего вам хорошего.

– И вам не хворать, – оскалился в ответ следак и обратился ко мне: – Дурак ты, Чобот. Написал бы признание, оттянул десятку и откинулся бы как человек. А так...

– Не стоит пугать юношу. – Тихомиров ничуть не обиделся на провокацию. – Пойдем, Семен. У нас много дел.

– А... что, собственно, происходит? – задал я наконец волнующий меня вопрос, точнее, один из, но главным из них был «Какого, собственно, хрена», так что я просто перефразировал: – Куда вы меня ведете?

– Не в тюрьму, не переживай, – рассмеялся кагэбэшник. – В отличие от милиции, я верю тебе. Смирнов был одержимым, и девчонкам очень повезло, что ты оказался рядом.

– Да, отымел бы он их во все дыры, конечно. – Я с умным видом кивнул, будто разбирался в ситуации, но тут же сам себя сдал: – А кто такой одержимый?

– Садись, по дороге поговорим, – Тихомиров кивнул на новую черную «Волгу», припаркованную у крыльца РОВД. – На переднее кресло и пристегнись.

– Может, не стоит? – Мне вдруг почему-то стало неудобно. – Я грязный. Испачкаю вам машину.

– Ничего, это служебная, найдется кому почистить, – отмахнулся чекист. – Не в багажнике же тебя везти. Давай залезай.

Машина была новой. Причем такой модели не помнили ни я, ни мое альтер эго. Не такая дутая, как 3110, более зализанная и агрессивная, но при этом отделка была на высшем уровне. Да и мотор заурчал сыто и мощно, показывая, что под капотом притаился немаленький табун лошадей. К тому же она была длиннее обычной «Волги», это стало особо заметно, когда проехали мимо ментовской тачки, припаркованной тут же.

– Нравится? – заметил, как я осматриваю машину, Тихомиров. – Это 3105. Спецмодель. Делали как замену «Чайки», но потом ту заменили «Аурусами», а эту нам отдали в комитет.

– Крутая тачка. – Тут я немного кривил душой, потому что были у меня куда более солидные машины и по внешнему виду, и по характеристикам, но приходилось соответствовать образу шестнадцатилетнего обалдуя, никогда в жизни не видевшего «Мерседеса», BMW или «Ягуара». – Сколько выдает?

– Сотню за восемь секунд. – Тихомиров выглядел таким гордым, будто это была лично его заслуга. – Движок триста лошадей. По трассе две с половиной сотни километров в час как нефиг делать.

– Круто. – Я решил не спорить, тем более что с машинами в Союзе было не слишком хорошо. – А куда мы едем?

– К нам в управление, – ничуть не удивился вопросу кагэбэшник. – Да не пугайся. Мы просто пообщаемся, сделаем пару тестов и отпустим тебя.

– Так просто? – Я не мог поверить, что реально соскочу, когда уже даже морально был готов отправиться на зону. – Я же реально убил человека.

– К сожалению, человеком он уже не был, – вздохнул Илья Демидович. – Понимаешь, после падения метеоритов вместе с энергетиками появились некие сущности, которых мы называем демонами. Они приходят из другого измерения через прорывы ткани реальности. И пока мы можем успешно их сдерживать. Но, к сожалению, кроме крупных вторжений, которые нам удается оперативно купировать, эти твари научились действовать исподтишка.

– А почему люди об этих демонах ничего не знают? – От новостей у меня в буквальном смысле отвалилась челюсть. – Это же преступление – скрывать такую информацию!!!

– Не кричи, – поморщился Тихомиров. – Решение принимали люди куда умнее меня и тебя вместе взятых. И я поначалу думал так же, как ты, а потом понял, насколько мудрым оно было. Понимаешь, главная проблема не в самих демонах. Да, прорывы – это опасно, но мы с ними справляемся. Однако гораздо опаснее их опосредованное воздействие.

– Это как? – Я не очень понимал, о чем мне рассказывает комитетчик, и, главное, зачем он это делает. – Вы вообще о чем?

– Все просто. Энергеты развиваются, постепенно наращивая свой потенциал и тренируясь в создании плетений. Это долгий и кропотливый процесс, причем если плетения можно быстро освоить при достаточном таланте, то вот увеличение потенциала ускорить практически невозможно. Но демоны сумели передать людям, которые с ними сотрудничали, способы это сделать. Вот только они все грязные, мерзкие, одним словом, демонические.

– Кровь надо пить, что ли, как вампирам? – усмехнулся я, но, видя, что шутка не нашла отклика, сильно удивился. – Что, правда, что ли?

– Это самое простое и малоэффективное средство, – серьезно посмотрел на меня чекист. – Есть хуже, гораздо хуже. Насилие над женщинами, каннибализм, ритуальные жертвоприношения. Чего там только нет. Сплошной ужас и мерзость.

– Так этот Смирнов, он девчонок хотел... – Я вдруг понял, что вчера был на грани не просто смерти, а чего-то гораздо хуже. – И... меня?

– И тебя, – подтвердил Тихомиров. – Одержимый не разбирает пола. Он бы сначала вас всех огулял, уж извини за грубость, причем был бы ты жив или нет, ему тоже неважно, а потом сожрал. Это ведь не просто энергет, идущий путем тьмы, это, по сути, в человеке пробудилась личинка демона. И если дать ей откормиться, то вскоре в городе появилась бы смертельно опасная тварь. Так что ты, можно сказать, герой. Спас не только себя и девчонок, но и многих невинных людей.

– Но... тем более, почему вы это все не рассказываете?! – У меня внутри все кипело от злости. – Сколько жизней можно было спасти!

– Или убить, – грустно усмехнулся Илья Демидович. – Понимаешь, одержимые, они не энергеты. Ими могут стать обычные люди и получить огромную силу. Ведь демон далеко не сразу берет верх, многие считают, что смогут справиться с ним. И ради силы готовы пойти на все что угодно. А теперь представь, что будет, если все узнают, что есть способ стать одаренным. Грязный, подлый, мерзкий, но есть. Как думаешь, те же воры и бандиты устоят перед соблазном? Ты же вращаешься в этих кругах, должен знать их нравы. Молчишь? Вот то-то. Иногда ради блага людей приходится их обманывать и контролировать. И не потому, что нам этого хочется, а потому, что всегда найдутся уроды, которым плевать на остальных. И которые ни перед чем не остановятся.

– А мне зачем все это знать? – буркнул я, понимая, что в чем-то чекист прав. – Я же тоже из этих, которым плевать.

– Ну уж нет, – рассмеялся Тихомиров. – Иначе ты бы сразу сбежал из парка, плюнув на девчонок. Пусть даже сознательно ты бы и хотел это сделать, нутро у тебя настоящего бойца, хоть в остальном ты полное дерьмо. Так что ты заслужил знать правду. К тому же на тебя столько подписок о неразглашении навешают, что одной больше, одной меньше, это ничего не решает.

– А я уж действительно поверил, что вы меня человеком считаете, – криво ухмыльнулся я. – А оно вон как оказалось.

– Ну, давай скажем прямо, уважать тебя не за что. – Впервые Илья Демидович прямо посмотрел мне в глаза, и я, не выдержав, отвел взгляд в сторону. – Ты и сам это знаешь. И даже спасение девушек не искупает старые грехи. До этого тебе еще очень далеко. Но каждый имеет право на второй шанс. Это аксиома, принцип нашего социалистического общества. Если ты просто оступился – товарищи всегда помогут, подставят плечо. Главное, чтобы осознал свои ошибки и больше так не делал.

– Ага, на свободу с чистой совестью, – съязвил я. – Десяточку оттянул – и гуляй, Вася.

– Ты неправ, – укоризненно посмотрел на меня Тихомиров. – У нас невиновных не наказывают.

– Ага, конечно, – рассмеялся было я, собираясь рассказать про три колоска, но сдержался, потому что в свое время много читал о том периоде и знал, насколько разные бывали ситуации, хоть и перегибов хватало. – Извините.

– Как скажешь, – пожал плечами комитетчик. – Но на будущее, думай, кому и что ты говоришь. У меня, допустим, другие задачи, но кто-то может оказаться не таким шепетильным. Так что помни, слова – серебро, молчание – золото.

– Ага, враг не дремлет, будь бдителен. Болтун – находка для шпиона. – От понимания, что прошел по краю, я нервно юморил, даже сам сознавая, насколько жалко это выглядит. – Вы так и не сказали, зачем я вам.

– Вот сейчас все и узнаешь, – усмехнулся Илья Демидович, паркуя машину. – Выходи, приехали. Только не беги, я тебя умоляю. Ты мне кажешься разумным парнем, так что не стоит.

– Бегать от КМ дураков нет, – я указал глазами на его значок. – Это тупее, даже чем убежать от снайпера, там хоть просто умрешь уставшим. А против энергета нет приема.

– Точно, – засмеялся чекист. – Видно, я в тебе не ошибся. Айда, нет, не сюда, а вот в подвал.

– Ну, я так и думал. – Я старался хорохориться, но сердце зашлось как сумасшедшее, а на спину будто кто-то ведро ледяной воды вылил. – Сразу в подвал...

– У нас тут медицинский центр, – немного обиделся Тихомиров. – Профилакторий, медпункт и все такое.

– Так я вроде не болею. – На удивление, я действительно чувствовал себя прекрасно, даже боль от побоев ушла, будто и не было.

– Вот и проверим, – подтолкнул меня в дверь Илья и сразу громко позвал: – Ольга Леонидовна, добрейшего вам дня! А мы по вашу душу!

– Добрый день, Илья Демидович. – Из кабинета не вышла, а буквально выплыла статная, красивая женщина лет сорока, показавшаяся бы моему альтер эго старухой, а как по мне, так наоборот, в самом соку. – Вы, как всегда, в хорошем настроении.

– Так жизнь прекрасна, товарищ полковник, – расплылся в улыбке кагэбэшник. – Мне бы вот юношу проверить.

– Здрасьте. – Перед ликом монументальной Ольги Леонидовны я хоть и не оробел, но предпочел сыграть испуганного школьника.

– Добрый день, молодой человек, – меня смерили взглядом с головы до ног. – Нет, в таком виде я к приборам вас категорически не пущу. Шагом марш в душ!

– Но... – Я дернулся было в направлении, куда мне указали, а потом вспомнил, что вещей-то у меня нет. – Одежда...

– Там все получите, – отрубила любые возражения женщина. – Чего стоим?! У меня через полчаса группа товарищей из первого отдела! Бегом!

И я помчался, а попробуй тут отказаться. Душевую найти оказалось просто по табличке на двери. В другие я даже и не думал соваться, мало ли, увидишь, что не надо, тебя тут же к стенке прислонят. Нафиг, нафиг. К тому же я сам давно хотел помыться. После парка воняло от меня так, что поначалу даже пару раз вывернуло. Потом, правда, притерпелся, но запах лучше не стал. Так что под горячую воду залез с видимым удовольствием. И долго скреб себя мочалкой с мылом, найденными в одноразовых пакетах. А когда вышел, вещей своих не увидел, зато в такой же упаковке обнаружили тапочки и пижама наподобие больничной. Хорошо еще, что не полосатая, а в цветочек.

– Итак, молодой человек, вот теперь вы похожи на гражданина Страны Советов, – удовлетворенно кивнула Ольга Леонидовна, когда я вернулся. – Замечательно. Что ж, садитесь, руки на подлокотники, смотреть прямо, по команде «Не моргать» – не моргать. Это понятно?

– Так точно! – Хоть в армии мы с Кулагиным не служили, но я с трудом подавил желание вытянуться по стойке смирно.

– Тогда чего стоим? – обожгла меня взглядом женщина, и в следующую секунду я уже сидел на странного вида кресле с экраном перед глазами и металлическими подлокотниками. – Прекрасно. А теперь... Не моргать!

Я вылупился в экран, будто от того, моргну я или нет, зависела моя жизнь. Вполне может быть, что так и было, кто знает этих чекистов. Им человека шлепнуть, что мне комара. Скажут, что я тоже одержимый, и привет. Вообще, последний час с момента появления Ильи Демидовича казался мне дикой фантазмагорией. Так, блин, просто не бывает! Но я чувствовал холод подлокотников, одноразовую тапочку, которая, зараза, выбрала именно это время, чтобы сползти с ноги, видел мельтешение цветных пятен на экране. Даже запах мыла, и тот был реален. Поэтому я и пучил глаза, боясь моргнуть, а то вдруг все это окажется лишь бредом моего воображения.

– Можно моргать, – закончила что-то печатать на компьютере Ольга Леонидовна. – Что ж, поздравляю вас, юноша, с инициацией. Вы полноценный Юниор с неплохими перспективами развития. Официальное заключение будет чуть позже. Заберете сами, Илья Демидович, или на почту выслать?

– Будьте добры, пришлите, – молитвенно сложил руки на груди мой сопровождающий, – а то пока с юным дарованием закончу, уже времени не будет.

– Как скажете, – женщина равнодушно пожала плечами. – Я вас больше не задерживаю.

– П-погодите. – До меня только теперь дошло, о чем они говорят. – То есть я что, теперь энергет?!

– Так, а я вам о чем только что сказала? – удивленно посмотрела на меня Ольга Леонидовна. – Илья Демидович, вы где его такого взяли?

– Это он от шока, все-таки поздняя инициация, да такая мощная, – ласково улыбнулся ей чекист, а сам потянул меня из кабинета. – Огромнейшее вам человеческое спасибо! С меня шоколадка.

– С орехами, – донеслось из-за закрывающейся двери, а я послушно шел за кагэбэшником и чувствовал, как лицо непроизвольно растягивается в счастливой улыбке. Пусть я никогда не признавался, но всегда завидовал одаренным, и вот теперь я один из них!

Глава 4

– И чего теперь со мной будет? – Я сидел в кабинете капитана Тихомирова, слегка ослобивший от сытного обеда, который мне притащили, услышав, как бурчит мой пустой живот. – Я же этого Смирнова все-таки зарезал. А на мне и так условка. Пришьют превышение пределов, и здравствуй, зона.

– Поздно ты спохватился, – ухмыльнулся Илья Демидович, но тут же сжалился. – Считай, что на этот раз соскочил. Дашь подписку о неразглашении и свободен. Но это только в этот раз, и то потому, что девчонок спас.

– Спасибо. – У меня с души будто громадный камень упал. – Но я же теперь Юниор.

– И что? – удивился капитан. – Ты хотя бы примерно представляешь, сколько энергетов у нас в стране? Вам же должны были в школе рассказывать.

– Да я как-то пропустил, – замямлил я, опустив голову и чувствуя, как запылали уши, хотя вроде как и не с чего, это же альтер эго был раздолбаем и двоечником.

– Ну да, кто бы сомневался, – ухмыльнулся Тихомиров, но комментировать дальше не стал. – Так вот, на данный момент одаренным является каждый сотый. Учитывая, что в Советском Союзе живет полмиллиарда человек, это получается пять миллионов. Представляешь, какая эта цифра? Это больше населения некоторых стран. И ты думаешь, что государство будет с каждым носиться как с писаной торбой?

– А... что мне тогда делать? – С этой точки зрения я никогда не думал и поэтому растерялся.

– Да что хочешь, – рассмеялся капитан. – Видишь ли, пройти инициацию – это только первый и, честно говоря, самый простой шаг. А вот дальше начинается тяжелая и кропотливая работа. И далеко не у каждого находятся для этого силы. Талант, конечно, тоже влияет, но знаешь, сколько Юниоров получают хотя бы пятый разряд? От силы десять процентов!

– Пятьсот тысяч – это тоже немало, – возразил я, неплохо представляя масштабы чисел. – Половина Новосибирска примерно.

– Да, но мы говорим только о разрядниках, – грустно усмехнулся Тихомиров. – Это, по сути, самая нижняя ступень, только едва-едва способная работать с плетениями и матрицами. И чем выше ранг, тем больше процент конверсии. Кандидатами в мастера становятся уже не десять, а всего пять процентов от разрядников. Мастерами – два от силы. Про более высокие ранги и говорить нечего. Туда уже единицы проходят. Вот и получается, что вроде энергетов много, но реальную пользу приносит лишь малая часть. Остальные довольствуются физической силой, здоровьем и долголетием, предпочитая работать как обычные люди. А ведь каждый энергет может принести огромную пользу стране!

– В армии? – Честно говоря, меня интересовало, чем занимаются одаренные, но я считал, что большинство идет в силовые структуры. – Так мы же вроде ни с кем не воюем.

– Армия – это самое простое, – отмахнулся капитан. – Советский человек прежде всего творец, а не разрушитель. И способности энергета могут помочь созидать удивительные вещи! Ты вот, например, знаешь про возрождение плейстоценовой флоры и фауны за Полярным кругом? А ведь это стало возможно исключительно благодаря работе многих энергетов-биологов. Да, поначалу никто не верил, что им удастся возродить вымерших животных, таких, как гигантский большерогий олень, протобизон и даже мамонт! Но они сделали это, сумели не только получить отдельных особей, но добиться их естественного размножения, увеличить поголовье и изменить саму структуру тундры, превратив ее в мамонтовые прерии. И сейчас, через десять лет, именно Заполярье является основным поставщиком мяса в мире, обогнав даже Аргентину. Причем это лишь самый яркий пример, а по факту сделано гораздо больше. Это тебе и новые породы домашней птицы, и молочные стада с такими надоями, которые раньше и не снились.

И новые сорта пшеницы, устойчивые к перепадам температур и вредителям. Примеров масса!
И все это сделали энергеты.

– Круто... – я действительно заслушался. – Не, на самом деле здорово! Но я как-то с биологией не очень.

– Да знаю, – ухмыльнулся Илья Демидович, – ты со всем не очень. Тянут тебя за уши, только чтобы показатели не портить, но по-хорошему давно надо было дать пинка.

– Я исправлюсь. – Действительно, успеваемость следовало подтянуть, тем более что это совсем несложно было сделать. – Честно. Я, можно сказать, новую жизнь начал. Вон спортом занялся. Честное слово, я реально бегал вчера в парке. Курить тоже бросил. Еще бы секцию какую найти. Саватом хочу заняться. Пробовал как-то давно, еще в детстве, мне понравилось.

– А бросил, потому что не по-пацански, так? – понимающе кивнул капитан и задумался. – Ладно. Я сам сказал про второй шанс, так что свои слова забирать не буду. Есть у меня на примете один тренер, саватом он в том числе занимается. Но учти, нянкатся с тобой никто не будет. И за первый же косяк даст пинком под зад. Сам это должен понимать, не маленький. Это в школе с тобой носились как с писаной торбой, все перевоспитывать пытались. А теперь все. Знаешь, что если Юниор нападет на обычного человека, это идет отягчающим обстоятельством?

– Да, – я кивнул, обращаясь к воспоминаниям альтер эго. – В курсе. Мы с пацанами...

– Чего замолчал? – усмехнулся Тихомиров. – Будто не знаю, как шпана деньги с энергетов трясет под угрозой заявить о нападении. Наше одиннадцатое управление занимается надзором за энергетами, так что, естественно, мы в курсе.

– А я думал, что вы только демонов да одержимых ловите. – Я в который раз уже мучительно покраснел от стыда за прошлое своего двойника. – Почему тогда никто не слышал, чтобы вы шпану гоняли?

– Из пушки по воробьям не стреляют, – рассмеялся капитан. – Много чести будет, чтобы вас комитет ловил. Милиции хватит. Но мы все же присматривали, чтобы ваши не нагтели. А те, кем мы занимались, уже ничего рассказать не могут.

– Понятно. – Меня вдруг бросило в холодный пот от понимания, в какую задницу я мог угодить, и стало страшно здесь оставаться. – Так это... я пойду? Вроде все бумаги уже подписал, буду молчать как рыба, и все такое.

– Прямо так отправишься? – кивнул чекист на пижаму и тапочки, в которые я до сих пор был одет. – Не уверен, что в таком виде ты до дому доедешь, скорее уж подумают, что из дурки сбежал, и санитаров вызовут.

– И чего делать? – Я растерялся, потому что совершенно не думал об этом. – Мой костюм-то забрали...

– Его только сжечь, – припечатал Тихомиров. – Ладно, держи. Считай это наградой за помощь в поимке опасного преступника и спасение жизни граждан.

Мне на колени упал целлофановый пакет с силуэтом прыгнувшей кошки на нем. Я даже немного завис, соображая, что это такое, но стоило его перевернуть и увидеть знакомые четыре буквы, и вместо заторможенности пришел чистый восторг. Нет, сам-то я привык к дорогим брендам, но для шестнадцатилетнего пацана с улицы иностранная спортивка была чем-то недосягаемым, вот альтер эго и вылез. В свободной продаже немецких спортивных костюмов почти не было. Отечественных – сколько угодно, и заводских, и артельных. Китайские, венгерские тоже можно было достать. Если повезет или есть знакомые, то болгарский или даже чешский, и это считалось уже супершиком. Но германский, да еще «Пуму»... круче был только «Адидас» или «Найк». Но за последний та же контора глубокого бурения могла за задницу взять. А вот «Пуму» можно было носить спокойно... если, конечно, сможешь где-нибудь найти.

– Чего завис? – вырвал меня из ступора голос Тихомирова. – Давай переодевайся. Вот держи еще, тут белье, носки и кроссовки.

– У меня нет таких денег. – Я взял эмоции в узду и, оторвав взгляд от новеньких кроссовок, посмотрел в глаза кагэбэшнику. – Так что извините, но вынужден отказаться.

– Это подарок, – отмахнулся капитан. – Хорошие дела должны вознаграждаться. Кодекс строителя коммунизма и моральные принципы – это прекрасно, но лучше, когда они подкреплены материально. Бери, не тушуйся. Ты заслужил. Главное, помни, что жить честно приятнее и полезнее, чем воровать. И что это твой последний шанс.

– И я так понимаю, что их надо будет отработать, – я понимающе ухмыльнулся. – Давайте начистоту. Я благодарен вам за помощь и вообще за все. Но стучать не буду. Пусть даже большинство моих знакомых заслуживает тюрьмы, это дело принципа. Я готов помочь, чем могу, готов испустить свою вину как угодно, но доносить – это не про меня.

– Чистоплюй, значит. – Илья Демидович прищурился, буравя меня взглядом, но потом расслабился и откинулся в кресле. – Да что ты можешь рассказать? Вербовать – тебя только время терять. Я же сказал, это тебе награда за правильный поступок и за то, что будешь держать язык за зубами. Так что одевайся и давай шуруй отсюда. И так на тебя полдня потратил.

Я не заставил себя просить дважды. Схватив вещи, отправился в туалет, благо там никого не оказалось, и можно было спокойно переодеться. Пижама Тихомиров забрал, сказав, что сам передаст ее в диспансер, а тапочки сказал выкинуть. Я так и сделал. И, забрав телефон и трешку, которую изъяли менты при аресте, попрощался с капитаном. Вооруженный сержант на проходной смерил меня взглядом, прежде чем забрать пропуск, уж не знаю, что ему в моем виде не нравилось, хотя вру, определенно, знаю. Когда человека приводят в пижаме, а выпускают в новеньком немецком спортивном костюме – это как бы намекает. Но мне было плевать на мысли сержанта; выйдя на крыльцо, я вдохнул полной грудью, наконец почувствовав себя свободным человеком.

Первым делом я позвонил маме. Ей еще вчера звякнули из ментовки, что меня загребли, и она наверняка сейчас места себе не находила. Эти козлы по-любому сказали, что меня приняли за убийство и попытку изнасилования, и я очень переживал за ее здоровье. Даже несмотря на то что Тихомиров вроде как обещал позвонить, объяснить ситуацию, я все равно волновался до тех пор, пока лично не услышал мамин голос.

Сообщив, что я жив, здоров и скоро буду дома, и выслушав в ответ град претензий, обвинений и слез, я положил трубку и не спеша пошел в сторону метро. Погода стояла отличная, настроение даже после общения с мамой было прекрасное. Жизнь хороша, а в дальнейшем я планировал сделать ее еще лучше. А пока не удержался и за шесть копеек купил у продавщицы возле бочки большую кружку хлебного кваса. Вкусного, терпкого, такого, как надо, а не того дерьма, что продавали у нас.

И кстати, я заметил, что после инициации начал воспринимать себя именно местным. Не знаю, что там поменялось в моих мозгах, но я уже не был Семеном Павловичем, уважаемым человеком, тимлидом, разработчиком приложений и прочая, прочая, но в то же время не стал Семой Чоботом, хулиганом и раздолбаем, только и ищущим, где что стащить, дернуть, что плохо лежит, или кого развести на бабки. Я оказался чем-то средним. Солидный жизненный опыт не делал из меня старого брызгу, запертого в теле молодого пацана. Я ощущал себя пусть не на шестнадцать, но не старше двадцати точно. В голове крутились сотни мыслей, а тело разрывали противоречивые желания. Можно было разложить их по полочкам, но... я не хотел. Мне нравилось быть молодым, и я не собирался от этого отказываться. Скорее уж наоборот, желал продлить это состояние, насладиться им по полной.

Так, никуда не торопясь и обдумывая свое новое состояние, я и добрался до дома. Только вот стоило мне зайти во двор, как меня тут же окружили пацаны с Земой во главе. И на этот раз предводитель шпаны глядел на меня зло и с презрением. Я мысленно вздохнул, потому как меньше всего мне сейчас хотелось закосячить новый костюм, однако драки вряд ли можно было избежать, и я даже знал, что мне попытаются предъявить.

– Здорово, Чобот. – Зема в своей обычной развязной манере сплюнул на землю. – Смотрю, приборахлился.

– И тебе не хворать. – Я отметил, что руку мне гопник не подал, а его шакалята обступили нас со всех сторон. – Да вот добыл по случаю. Фирма.

– Да вижу. – Зема снова сплюнул. – И как оно, корешей за тряпки сдавать?

– Ты базар-то фильтруй. – Я мгновенно собрался, краем глаза контролируя обстановку, но глядя прямо в глаза Земе. – За такие предьявы можно и на перо сесть.

– А что, скажешь, я неправ? – оскалился гопник. – Вчера тебя мусора за мокруху приняли, а сегодня ты весь такой красивый в импортном шмотье. Вот пацаны и интересуются, откуда подгон такой босявый? Уж не опера ли тебя теперь одевают?

– Кто интересуется, пусть подойдет и спросит. – Я тоже сплюнул прямо под ноги Земы. – А пока я вижу только фуфлогона. Хочешь что-то конкретно предьявить – давай. В мусорне я был, не спорю. Приняли меня, всю ночь мурыжили, но лажанулись. Я им по губам поводил да свалил. А подгон откуда, так то не твое дело. Кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывался?

– А Каленый знает, что ты ссучился, – презрительно усмехнулся Зема. – Походу, он тебя за это отмудохал последний раз. А может, еще и опустил? Так ты что, теперь проткнутый?

– Мля, а мы с ним ручкались, – поддержал главаря Крючок, который еще вчера мне в рот заглядывал, чтобы новые песни записать, а сейчас вместе со всеми плевался: мол, зашкварились.

– Дурак ты, Зема. – Мне стало смешно, и я улыбнулся во весь рот. – И доля твоя – всю жизнь шестерить блатным. Сам же ты харчка не стоишь. Потому что натура у тебя гнилая, и других по себе судишь. Уверен, что ты сам мусорам барабанишь, только потому тебя обратно на зону не пнули. Но это ненадолго, и вот там тебя за ссученость точно проткнут.

– Ах ты, падаль! – взвизгнул гопник, ведь, судя по перекошенной морде, я попал в десятку, и ткнул меня прямо в живот.

Точнее, попытался. Раньше у него это, скорее всего, получилось бы. Я был слабее Земы, пару раз мы с ним бодались, и он выходил победителем, пусть и не без проблем. Но сейчас все его движения казались мне очень медленными. И я с легкостью ушел от лезвия выкидного ножа, появившегося в руке. И тут же пробил боковой в челюсть, да так, что у гопника ноги подлетели выше головы, а сам он брякнулся на спину.

И тут же на меня кинулась вся свора. Шпанята хоть и слабоваты, но их было много, а главное, блеснули лезвия ножей и заточек. Видимо, Зема изначально не собирался отпускать меня целым, а то и живым. Знать бы еще, кто его на это подбил, хотя что тут думать. Каленый, сука, больше некому. Но, чтобы решить вопрос с ним, нужно было для начала остаться живым и в идеале здоровым. В голове мелькнула мысль о новеньком костюме, но я задвинул ее на задний план. Не время мелочиться. Нужно было действовать.

И я сиганул прямо через валяющегося Зему. Да, в целом я был сильнее любого из гопников, особенно после инициации, но их было больше, и они вооружены. А я все-таки не был суперменом, да и сама идея носить трусы поверх штанов мне претила, так что я выбрал самую грамотную тактику – побег.

Шпана если даже и ожидала такого, то просто не успела среагировать. Слишком велик был шок сначала от мощного удара, опрокинувшего их главаря на землю, а затем от моего рывка. Так что, когда они пришли в себя, я уже был метрах в двадцати. И останавливаться не собирался.

– Стой, падла! – Вся толпа дружно бросилась за мной, даже забыв про валяющегося в отрубе Зему. – Стой, порешу!!!

Ну, мотивация так себе, и я лишь ускорился, тем более что тело, избавившись от токсинов и грязи, буквально летело, легко отталкиваясь от земли. Чистые легкие, освобожденные от сигаретного дыма и фенольных смол, гнали кислород в кровь, насыщая мышцы. А те буквально

пели от нагрузок, подгоняя бежать быстрее и быстрее. И неудивительно, что расстояние между мной и преследователями неизменно росло. В итоге пришлось даже специально притормозить, чтобы они меня не потеряли.

Да, я легко мог убежать, но именно эта легкость сказала мне, что не стоит оставлять разборки на потом. Сунуть заточку в бок – много ума не надо, и никакое звание Юниора не спасет. Скорее наоборот, заставит стать осторожнее и подлее. А значит, надо решать вопрос здесь и сейчас, отбить у шпаны охоту связываться со мной. И пусть их было почти с десяток, теперь я знал, что справлюсь. Поэтому, притормозив, подхватил с земли обломок кирпича и, подождав, пока самый шустрый подбежит поближе, со всей дури запустил в него.

Вован Щетка, первейший подхалим Земы, на самом деле просто завидовавший авторитету главаря, несся сломя голову, сжимая нож в потной ладони. Это был его шанс возвыситься, показать свою крутость. На самом деле Щетке было плевать, стукач Чобот или нет. Да и знал он его давно как правильного пацана, хоть и себе на уме. Вон к кодле он так и не прибился, а значит, его вполне можно было пустить в расход ради авторитета среди шпаны.

Впрочем, Вован и любого другого зарезал бы, просто случая не подворачивалось, а сейчас осталось только догнать и... Радужные мысли будущего авторитетного вора выбил из головы обломок кирпича, врезавшийся в солнечное сплетение. И, теряя сознание от боли, Вован завалился на землю, покотившись кубарем, а затем замерев в позе эмбриона. Для него погоня закончилась, и своим шансом он не воспользовался. А я, удовлетворенно наблюдая за падением одного из преследователей и испугом на лицах других, ухмыльнулся и скрылся в арке двора.

Не знаю, насколько сильно остальных напугала моя выходка, но гнаться за мной они не бросили. Видимо, азарт оказался сильнее страха, да и то, что они были толпой против одного, работало. Правда, я заметил, что некоторые тоже схватились за кирпичи и камни, но меня это ни капли не испугало. Пусть попадут для начала, а сделать это, когда задыхаешься от бега, ой как непросто. К тому же у меня была фора, и я не собирался давать своим противникам никаких преимуществ.

Был бы это чужой район, я бы даже не стал пробовать, а сразу же сбежал, но сейчас мы были в родных дворах, где выросли и где знали каждую травинку. Да, мои противники тоже, но сейчас это играло против них самих. Слишком много вариантов, куда именно я могу двинуться, слишком много путей. Значит, если они потеряют меня из виду, непременно разделятся. И тут-то я их и встречу.

Так и получилось. Стоило мне ускориться и скрыться с глаз, как на следующем же повороте, не заметив, куда именно я побежал, шпана принялась обсуждать, где я могу быть. А потом разбилась на две тройки и двойку, разбежавшись в разные стороны. Я бы на их месте бросил эту затею, но это сейчас, а раньше тоже бы, наверно, принялся искать наглого врага. Тем более что двое-трое – это не один, шансы есть. Но это только они так думали. Я же, затаившись у окна подъезда, сразу обозначил первую цель и кинулся вдогонку.

Роли поменялись, теперь я был охотником, а гопники жертвой, и первыми стали те, что остались вдвоем, среди которых был и Крючок. Он первый и пострадал, когда, выйдя из арки, схлопотал прямой в голову. Нос хрустнул, заливая Крючка кровью, а сам любитель блатных песен рухнул как подкошенный. А через секунду рядом лег и его товарищ, застывший от неожиданности и за это получивший ногой в голову. Щадить засранцев я не собирался. Не хрен было вестись на Земину брехню.

Следующих троих я поймал в парке. Не том, где мы с одержимым играли в догонялки, а небольшом сквере между домами. Он основательно зарос кустами, и среди них была одна из наших точек, где можно посидеть, не привлекая внимания. Вот они туда и двинули, проверить, мог ли я там затаиться, и это сыграло с пацанами злую шутку. Повизгивающий голосок Сопли я

услышал издали и подкрался, стараясь не шуметь и глядя, куда ставлю ноги. И стоило одному отлучиться поссать, принял его, поймав на удрушающий.

Тридцать секунд трепыханий, и бессознательная тушка у моих ног. Убивать я, естественно, не стал, вот еще, мараться, причем в прямом смысле этого слова, так как гопник все же справил нужду, правда, себе в штаны. А вот с оставшимися я ничего придумать не стал, просто в прыжке зарядив с ноги тому, кто ближе. На удачу Сопли это оказался не он, иначе, боюсь, пришиб бы. А так получилось, что одного я вырубил, а Сопля сам от страха чуть сознание не потерял. Пришлось забрать у него нож, надавать подзатыльников и отправить домой. И я не обольщался на его счет, малой хоть и был ссыкливым чмом, но при случае не постесняется ударить в спину. Однако избивать детей было ниже моего достоинства. Новую жизнь надо начинать сразу и полностью, а не так, что тут вижу, тут не вижу, тут рыбу заворачивали.

Остались последние трое, но эти были самые опасные. Как и Щетка, они являлись приближенными Земы, такими же подлыми и наглými, как их главарь. И не чурались самых мерзких дел. Наверняка и пошли вместе только для того, чтобы меня порешить и отличиться перед Каленым: зуб даю, это его идея была меня на ножи поставить. Но с ним я потом разберусь, пока же надо было решить главную проблему, и я знал, где их искать.

– Че, твари, бросили меня, да? – вопли Земы я услышал издали. – Думали, что я все, отъехал? А вот хер вам! Всех вас, суки, порешу!

– Да ты ше, Шем, ты ше сам скашал, Шобота валишь. – Судя по голосу, отвечал ему Сашка Шепелявый, первый кореш Щетки. – Ну, мы и побешали...

– Ты вообще пасть закрой, воняет! – Главарь явно пытался восстановить свой пошатнувшийся авторитет и щемил пацанов, как только мог. – Падлы, дали ему уйти! Сука, сами перед Каленым отвечать будете!

– А чё мы-то сразу? – в три голоса возмутились пацаны. – Это ты подписался Чобота завалить. Не по понятиям, кстати. Кто видел, чтобы Чобот стучал?

– Чё сказали?! – Зема буквально рычал, а потом раздался щелчок открывающегося ножа. – Я вас, падлы...

– Закрой хайло, Зема, ты обоссался, – заявил я, выворачивая из-за гаража, за которым прятались гопники. – Так вот кто ссучился. Мокрушником при Каленом заделался, мразь? И пацанов под статью тащишь? Ты, дебила кусок, хоть бы подумал, что у магазина во дворе камера стоит. Видите, чуваки, вы ему пятки лизали, а он вас на зону упаковать собрался, лишь бы перед ворами выслужиться.

– Заткнись, тварь! – психанул уже бывший дворовый авторитет, судя по тому, как пацаны от него отошли. – Ты, сука, ментам стучишь...

– Ой, да завались, – небрежно отмахнулся я. – Уже все поняли, что это тебе Каленый напел. А у него на меня зуб и доказательств никаких нет, иначе я бы его уже давно посадил. Но он ходит на воле, правда, ему недолго осталось. За такую подставу я его мехом внутрь выверну.

– Да Каленый тебя, фраера, на раз кончит, – истерически заржал Зема. – Он таких, как ты, десятками опускал!

– Слышь, у тебя это большая тема? – я вопросительно поднял бровь. – На малолетке, что ли, машкой был? А нам по ушам ездил, мол, в авторитете ходил.

– Заткнись, сука!!! – И вот теперь Земе реально снесло крышу, и он, размахивая ножом, кинулся на меня, но я был к этому готов.

Остановился я в паре шагов от пацанов, чтобы меня нельзя было достать одним выпадом, но и особо бегать не пришлось. Так что успел среагировать на рывок, отскочив спиной назад и тут же прыгнув обратно, буквально впечатываясь в Зему и перехватывая его руку с оружием. Тот дернулся, пытаясь освободиться, но именно сейчас разница между обычным человеком и Юниором была особенно видна. Я словно тисками зажал кисть гопника, второй рукой ухватив его за ворот и видя, как в глазах проступает понимание, что я уже не обычный человек,

впечатал лоб в переносицу врага. Потом еще раз и еще, пока тот не обмяк, повиснув в моих руках безвольной куклой.

– Ну что, еще вопросы есть? – Я повернулся к пацанам, отшвырнув потерявшего сознание Зему, словно тюк с тряпьем. – Тогда давайте решать!

Глава 5

– Сыночек!!! Семочка!!! – Хоть я и отзвонился, когда вышел от Тихомирова, это не помешало маме повиснуть у меня на груди, как только я вошел в квартиру. – Роденький! Счастье-то какое!!! Слава богу!!! Отпустили! Мне звонили вчера, но я сразу сказала: не мог мой сын человека убить!

– Ну все, все, мам, – я обнял ее, успокаивая и понимая, как соскучился по ней. – Все хорошо. Там разобрались и отпустили. Ты же знаешь, у нас невиновных не сажают. Я все тебе расскажу. Только покорми меня, я голодный, ужас. Слона бы съел.

– Слона нет, – тут же утерла слезы и собралась та, ибо сработал один из главнейших материнских инстинктов – накормить дитяtko, и неважно, что он в дверь боком проходит и выше нее на три головы. – Куру я твою запекла с картошкой. И борщ есть. Будешь?

– Все буду! – Я радостно кинулся мыть руки. – И побольше!!!

– Иди уже, – с улыбкой махнула та рукой. – Съешь, еще положу...

– ... Вот так я и попал к ментам. – Одновременно хлебать и говорить было нелегко, особенно потому, что борщ получился ну очень вкусным, но я старался, рассказывая маме очень подредактированную историю моих приключений, где не было ничего опасного для жизни, а был маньяк, попытавшийся изнасиловать девчонок, и я в роли героя-спасителя. – Этот злыденный писюкатый головой долбанулся, ну, его в больничку, а ментам что, они сразу мне убийство шить давай. Но потом разобрались, оказалось, на нем десяток случаев в разных городах, и им КГБ занималось. Они дело у ментов забрали, ну и меня заодно. Допросили по новой да отпустили. А за помощь в поимке злодея вон костюм спортивный подарили. «Пума», между прочим.

– Я видела, – кивнула мама. – Дорогая вещь.

– И не спросила откуда. Думала, украл? – Я посмотрел ей прямо в глаза, и мама, не выдержав, отвела взгляд. – Нет, я его честно заслужил. И вообще, со шпаной и криминалом завязал.

– Да ты много раз так говорил, – смахнула слезу та, не поднимая глаз. – И все без толку. Погуляешь да опять с тем же Земой телефоны отжимать пойдешь.

– На этот раз железно все. – Я доел остатки борща. – Каленый Зему подбил меня на перо посадить.

– Да что ты говоришь?! – подскочила мама, с ужасом глядя на меня. – Коля не мог...

– Твой Коля конченное мудло, – я зло оскалился. – И если он у нас в доме появится, я ему шею сверну. Своими руками. Я же не сказал тебе, что инициировался? Так что я теперь Юниор, и Зему только что в больничку отправил, и корешей его тоже.

– А если они заявят? – Мама без сил рухнула на стул, испуганными глазами глядя на меня. – Тебя же посадят.

– Не заявят, – я ухмыльнулся. – Их десять человек было, и все с ножами. Да и запахло это, но от Земы всего ожидать можно. Дерьмо он, а не человек, как и все воры, в принципе. А я с криминалом завязал. Железно. Буду экзамены сдавать и дело свое начну. Есть кое-что на примете. Так что не бойся. А Каленого чтобы у нас не было. Так ему и передай: увижу – прибью.

– Сынок, но он же тебя растил, – начала было мама, но я жестко ее перебил:

– Ни хрена! – И от избытка чувств саданул по столу так, что тот жалобно хрустнул. – Это ты меня растила! Каждую копейку мне отдавала. А этот гондон только из тебя последнее тянул! А то, что он пару раз конфет принес, так пусть подавится! Я их ему во все щели запихаю! Давай-ка собери его шмотки, я их вон дяде Лене закину. У него и заберет, если надо будет.

– Ты уверен? – несмело поинтересовалась мама, слишком ошарашенная моим напором и резкими изменениями в жизни. – Что-то мне страшно, сынок. Коля вор, а у них совести нет. Как бы беду не накликасть.

– Страх зато есть, – криво усмехнулся я. – Если будет к тебе приставать, я его мехом внутрь выверну. Силенок хватит. Так ему и передай, если появится, а лучше сразу мне позвони. Я приду и сам все решу.

– Ох, Семушка, – снова вздохнула мама, – я даже не знаю...

– Мам. – Я успокоился и взял ее за руки, заглядывая в глаза. – Просто поверь. Все у нас теперь будет хорошо. Я не дам тебя в обиду. Прости дурака, что так долго мотал тебе нервы и не давал жить нормально. Но я исправлюсь. Уже начал. И дальше все будет только лучше.

– Я уже думала, не доживу до этого, – вдруг разревелась мама, всхлипывая и вытирая слезы передником. – Прости меня, сыночек. Это я во всем виновата. Если бы я не привела Колю, если бы следила за тобой, то разве бы ты стал хулиганом? Прости меня...

– Мамочка, милая, – я кинулся обнимать ее и успокаивать, глядя по волосам. – Ну прекрати! Ты ни в чем не виновата. Это все я, балбес. Ну все, успокойся. Ну пожалуйста.

– Все, все, сыночек. – Мама вытерла слезы, лучезарно улыбаясь. – Все, видишь, я уже не плачу. Ты кушай, кушай. Проголодался, небось. А я пойду вещи соберу. Ты прав, не надо ему у нас больше оставаться. Мы и сами проживем. Да и не помогал он толком никогда. Только дружков своих водил да водку жрал. А я каждый раз тряслась, чтобы по пьяни с нами ничего не сделали.

– Я тоже боялся, что тебя тронут, – я грустно улыбнулся в ответ. – Думал, тогда буду бить тем, что под руку попадет. Даже если меня самого убьют, тебя в обиду не дам. Ты же у меня одна, родная. Никого у нас больше не осталось.

– Видел бы тебя твой отец, – снова всхлипнула мать. – Он бы сейчас гордился тобой.

– Ты же говорила, что не знала его. – Я завис с вилкой в руках над тарелкой с дурманяще пахнущей курицей. – Или это неправда?

– Прости меня, Семочка, – мама отвела взгляд. – Боялась я. Отец твой погиб на войне. В Корею вроде, или где-то там, я не знаю, мне не сказали. А его родители в больших армейских чинах. Им сирота из деревни, да еще и с приплодом, не была нужна. Вот и предупредили меня, чтобы молчала. Да так, что я на всю жизнь это запомнила. Не проси, не расскажу. А Паша мой как улетел, так и не вернулся. И тебя даже не увидел.

– Понятно. – Я от злости так сжал кулак, что случайно погнул вилку. – Ой, извини. Сейчас поправлю.

– Семочка, ты действительно пробудился? – Мама с удивлением глядела, как я пальцами выправляю вилку. – И что теперь будешь делать?

– Да ничего, – я пожал плечами. – Надо на учет встать в обществе энергетов, капитан Тихомиров обещал с тренировками помочь. Адрес дал. Схожу завтра после школы, посмотрю, что и как. И буду развиваться потихоньку.

– У нас на работе энергикам приплачивают, и хорошо так, – с чуть слышной завистью в голосе вспомнила мама. – Разрядникам почти по сотке, а кандидатам в мастера так и все сто пятьдесят!

– Ну, вот видишь, – я улыбнулся, – я же говорил, что у нас все хорошо будет. И тебя в обиду не дам, и зарабатывать буду. Так что не переживай. Все наладится.

– Ох, твои слова бы да богу в уши, – опять вздохнула мама. – Ладно, кушай, а я пойду. А то Ленька опять нажрется и ничего не вспомнит.

Мама ушла собирать вещи сожителя, а я все-таки доел курицу, смакуя каждый кусочек. Вот вроде и борща две тарелки наворачнул, но порцию положил все равно двойную и всю умял. Куда только влезло. Надо будет у тренера поинтересоваться, это вообще нормально, столько жрать. А то про Юниоров я не знал, по сути, ничего. У нас их не было, а альтер эго считал ниже

своего достоинства интересоваться, раз ему, то бишь мне, в жизни не повезло. А теперь жалею. Ладно, был бы какой поисковик, который знает всё, но в местном интернете ничего подобного не было. Да и компа у меня не было, а если бы был, не думаю, что раньше я бы заморочился этим вопросом. Кстати, создание такого поисковика могло стать неплохим бизнесом, только вот нужно обязательно согласовать вопрос, чтобы не влететь.

Но это я оставил на потом, вспомнив, что вроде в учебниках что-то было о физиологии энергетов. Но подробностей я не знал, потому что учебниками альтер эго тоже особо не интересовался, понимая, что на тройку натянут, а больше ему и не надо. Я знаю, сам таким был, но теперь меня это не устраивало, да и возможности исправить ситуацию были, единственное, надо было разобраться, что именно сейчас проходят в школе. Но для начала оттащил два собранных мамой баула со шмотьем соседу с первого этажа, с которым Каленый частенько зависал. И предупредил его, что, если что-то пропадет, я ему ноги с руками местами поменяю. Дядя Леня, тоже из бывших сидельцев, попытался было возмущаться, но я на его глазах двумя пальцами согнул столовый нож пополам, и запал тут же сошел на нет.

А вернувшись, я уселся за учебники. Когда достал первый, кольнула игла стыда, настолько пыльный он был. Ну а что, если за полгода его ни разу в руки не брали. Но сейчас нужно было не рефлексировать о том, что было, а стремиться к будущему. Так что я отбросил лишние эмоции и принялся сверять, что все еще помнил из школьного курса, а что предстояло выучить заново.

Вначале в ход пошла математика, как предмет, наименее подверженный изменениям. Дважды два всегда четыре в привычной нам математической системе, и я, опираясь на скудные знания альтер эго, не видел тут разногласий. Так и получилось. Чем больше я читал, тем больше понимал, что совпадение было почти стопроцентным, разве что имена некоторых ученых отличались, да и то это касалось лишь современности. Пифагоровы штаны так и остались равны во все стороны, и биссектриса все так же бегала по углам. Прозанимавшись под восторженным взглядом мамы почти час и даже вполне бодро выполнив домашнее задание, я отложил математику и взялся за более сложные предметы.

Физика никаких сюрпризов не преподнесла, кроме нескольких намеков на то, что у энергетов очень своеобразные отношения с константами, которые они могут изменять. Именно на это расходовалась большая энергия, скрученная в плетение или матрицу, но описаний, что именно в этот момент происходит, не было. Ну и не надо. Убедившись, что я хоть что-то да помню, а значит, не буду выглядеть полным лохом, я закрыл учебник, потому как большего на данный момент добиться было нереально. Невозможно за один день вы зубрить все, даже если очень давно учился в школе. Много уже забылось, кое-что я думал, что знаю, но оказалось, что это не так, однако базовые знания в голове остались. А с остальным я решил двигаться постепенно, не перегружаясь, тем более что мне еще было чем заняться.

И, в отличие от первых двух, химия оказалась крепким орешком, хотя бы потому, что и я ничего в ней не понимал. Ни тогда, ни теперь. В итоге, полистав учебник, я добился лишь того, что у меня разболелась голова. Ну не мое это было, просто не мое! Так что, несмотря на все мои стремления учиться, химию я все-таки отложил в сторонку. И обратился к тому, что интересовало меня больше всего на данный момент, – к биологии! Это раньше я, кроме пестиков и тычинок, знать ничего не хотел, ну разве что учебник похабными картинками изрисовать еще мог. А сейчас мне было очень интересно, кем именно я стал. Кто вообще такие энергеты и чего мне ждать в дальнейшем.

И это оказалось весьма занимательное чтиво. Само название энергеты, или, если говорить простонародно, энергики, получили оттого, что у них тонкое энергетическое тело слилось с физическим, дав возможность им управлять. Нет, раньше тоже существовали люди с такими возможностями, всякие экстрасенсы, медиумы и колдуны, но их способности мало того что были весьма ограничены, так еще в основном являлись шарлатанством. Теперь же людям уда-

лось вычислить как методы развития энергетического тела, так и способы его использования. И выделить несколько рангов, ключевых ступеней развития, так сказать.

Первый – Юниор. Начальная стадия слияния, наступающая сразу после инициации. Ну, или пробуждения, как ее еще называют. Характерна тем, что происходит обновление тела, приведение его к возможному идеалу. Нет, утерянные конечности не отрастают, и чемпионом мира по бодибилдингу тоже стать не получится, но вот различные болезни уйдут, а также организм очистится от накопленных токсинов и шлаков. Отсюда грязный вонючий пот и проблемы с кишечником, что случилось у меня в самый неподходящий момент. Но, как по мне, пусть уж лучше меня приняли без штанов, чем я навалил бы в них, ведь потерпеть до подходящего момента было физически невозможно.

Следующим рангом шли разряды, начиная с пятого. Организм привыкал, осваивался, учился использовать появившиеся возможности. Грубо говоря, каждый разряд присваивался, когда энергет взбирался на очередную ступеньку. Научился бить с выплеском силы или прыгать метра на три вверх – молодец, получи пятый разряд. Сумел сделать это десять раз подряд – четвертый, ну и так далее. Там, правда, немного сложнее, чем просто накопление мощи и количества повторений, требуется осваивать разные техники, типа внутреннего укрепления организма, но в целом суть передана верно.

А вот между разрядниками и кандидатом в мастера лежит пропасть пошире, чем Татарский пролив. Потому как первым достаточно уметь укреплять все тело до такого уровня, что ему становится нестрашно холодное оружие, а вот от второго уже требуется создавать дистанционные проявления энергии. Использовать так называемые плетения и матрицы. Это означает не просто разогреть воздух вокруг руки, а метнуть самый настоящий файербол. Собственно, поэтому и появилась поговорка про убегание от кандидата. Хуже бегать только от мастера, там вообще без вариантов.

На этом ранге энергет начинает использовать объемные матрицы, покрывающие большую площадь, но главное, оперировать ими почти мгновенно, не выплетая каждый раз заново, а как бы создавая сразу по готовому шаблону. Такой метод называют техниками, и сейчас преимущественно обучают именно ему, но и от плетений не отказываются. Я считал это правильным, как минимум для общего развития. Да и плетения получались более разнообразными и вариативными. Впрочем, мне до этого было еще ой как далеко, так что я не стал вдаваться в подробности, которых в учебнике еще и не было. Как и информации о более высоких рангах: Командора, Магистра и Архонта. Видимо, не хотел травмировать хрупкую детскую психику, ибо слухи ходили о них самые разные, а Архонты считались стратегическим ресурсом страны, как ядерные боеголовки, только многоцветные.

Информации на сегодня мне было более чем достаточно, голова уже ощутимо гудела, намекая, что пора бы завязывать, да и мама заходила пару раз, убеждая не перетруждаться, но я не мог пройти мимо самого сладкого – истории. Сравнить различия в развитии двух миров, что может быть интереснее?! Так что волевым усилием заставив себя сосредоточиться, я принялся листать учебник, выискивая ценные для меня факты.

И очень быстро определил, что главная точка бифуркации – падение Тунгусского метеорита. Нет, у нас он тоже был, но мельче, а главное, это произошло не только у нас в стране. Эти метеориты были частью кометы, частично разрушившейся из-за притяжения Земли, частично сгоревшей в атмосфере, и вызвали некое возмущение, истончившее, а в некоторых местах и разорвавшее ткань реальности. Впрочем, особых разрушений это не принесло, да и разрывы быстро затянулись, так что это мало кто заметил, и поначалу это вызвало интерес лишь как необычное явление, никак не повлиявшее на течение жизни простых людей. И лишь через некоторое время, когда полезли демоны, а некоторые люди вдруг обрели особые силы, ученые поняли, что это взаимосвязано.

Поначалу же новые способности считали божьим даром. Ну, или, наоборот, сатанинским искушением, тут от страны сильно зависело. Но, так или иначе, специально способности никто не развивал. Ровно до начала Второй мировой войны. Немцы, проиграв в Первой мировой, искали возможности реабилитироваться и никак не могли пройти мимо людей с необычными способностями. Именно они первыми в Европе разработали методики развития энергетов и создали из них не просто сильных физически, но и способных в одиночку переломить ход любого боя бойцов.

Именно из-за них Европа в считанные месяцы пала к сапогу нацистов, и их жадный взор обратился на восток. Казалось, что сокрушить молодое советское государство будет очень просто. Гордые тевтоны железной поступью ринулись через границу, неся смерть и ужас, и казалось, поражение неизбежно, когда под Москвой их встретили советские энергеты, воспитанные по своим методикам, все это время не просто разрабатывающимся в закрытых институтах, а активно продвигающимся среди населения.

Пусть в чистой силе средний советский энергет проигрывал более опытному и тренированному немецкому, но их было намного больше. А главное, на поле боя они гораздо быстрее эволюционировали, обучаясь новым приемам и ухваткам. Произошла ситуация, в точности напоминающая положение в военно-воздушных силах. Менее обученные, но более многочисленные, а главное, лучше организованные энергеты и пилоты методично уничтожали редких специалистов, просто не способных бороться против системы.

Порядок в очередной раз побил класс, однако нельзя было сказать, что противника тупо завалили мясом. Высокие потери вначале компенсировались крайне низкими под конец войны, и в целом можно было сказать, что паритет сохранен, вот только в финале у нас оказалось несколько полноценных Архонтов, а последний нацистский был вынужден бежать в Америку. К сожалению, вместе со многими разработками по развитию энергетов.

Американцы, уже оценившие возможности энергетов на поле боя и осознавшие свою ущербность в этом направлении, руками и ногами вцепились в них, тут же начав развивать свою программу «Сверхлюдей». А учитывая, что нацисты активно использовали демонические методики для быстрого увеличения силы, неудивительно, что буквально за десять лет они достигли весьма значительных результатов. Конечно, для этого не резали людей тысячами, как поступали фашисты в концлагерях, но слухи о сотнях пропавших без вести мигрантов из Латинской Америки ходили. Что послужило одной из причин Кубинской революции, которую с воодушевлением приняли в СССР.

Затем наступил период холодной войны, который длился до сих пор. Страны-гиганты боялись сходиться напрямую. Кроме Архонтов, также появившихся, пусть и с задержкой, ядерное оружие служило сдерживающим фактором от нападения друг на друга. Зато в странах третьего мира столкновения происходили постоянно и не прекращались ни на секунду. Корея, разделенная на два лагеря, полыхала до сих пор. В отличие от моего мира, это был военный лагерь, как на севере, так и на юге, где раз в десятилетие сходились местные армии при поддержке Америки, Японии и Израиля с одной стороны и СССР и Китая с другой.

То же самое происходило на Ближнем Востоке, где Израиль отбивался от злобных арабов. Ну, по крайней мере, называлось это так, правда, на удивление, чужую территорию регулярно захватывали именно евреи. Но при этом они громко кричали с трибун ООН, какие они несчастные и как им тяжело.

В Африке также велись перманентные войны всех против всех. В отличие от моего прошлого, Союз не накачивал ее бездумно деньгами и оружием, предпочитая гораздо более прагматичные подходы. Нет, это не было грабительским выкачиванием ресурсов, как с местными поступали капиталисты, но и простого обещания построить коммунизм для получения щедрой оплаты от Союза было недостаточно. Советы, не изменявшие записанному в конституции

принципу «от каждого по возможностям, каждому по труду», подходили к помощи другим странам с весьма трезвой позиции.

Мол, хотите строить коммунизм – давайте работать вместе. Мы вам поможем, но и вы поделитесь чем-нибудь. Полезными ископаемыми, продуктами или чем-нибудь иным, чем богата ваша земля. И всем будет счастье. Но жадность местных правителей, желающих лишь получать, а вот отдавать не очень, а главное, не желающих делиться властью, зачастую срубала все начинания на корню. Плюс деятельность ЦРУ, МИ-6, Моссада и французов, традиционно сильных на африканском континенте, не давала спокойно работать. Так что мира там в ближайшее время ждать не стоило.

Но самое главное отличие, что больше всего меня поразило, оказалось в истории самого Советского Союза. У нас его уже просто не было! Он развалился еще в начале девяностых, распался на десяток государств, которые принялись ненавидеть друг друга. Иногда даже до войны. Я просто за голову хватался, вспоминая про Приднестровье, Нагорный Карабах и Чечню, от мысли, что этого можно было избежать. И мне показалось, я нашел первопричину всего этого хаоса.

Главные различия в истории страны нашлись после смерти Сталина. Здесь Иосиф Виссарионович все еще был жив, хоть практически не показывался на публике, предпочитая уединение. Врачебные техники энергетов позволили продлить жизнь вождю, и он сумел провести реформы по либерализации экономики, фактически создав систему, где уживались и Госплан, и частные предприниматели с кооперативами и артелями. А самое главное, сумел воспитать преемника, сумевшего продолжить его дело. Ну а как иначе, если Вождь нет-нет да и присматривает, что там творится.

У нас же Хрущев, придя к власти, весь частный бизнес зарубил на корню. Что привело к росту дефицита, появлению спекулянтов, а самое главное, созданию из партийных элит эдакого нового дворянства, для которого простые рабочие и крестьяне были быдлом. Партийные бонзы правдами и неправдами пропихивали сыночков в верхние эшелоны власти, а те, привыкнув к вседозволенности, творили, что хотели, фактически разрушая страну.

Не скажу, что здесь такой проблемы не было, то и дело в новостях мелькали имена детей и внуков заслуженных большевиков или просто известных людей, но все-таки такого уровня отрыва партийной номенклатуры от рабочего класса я не заметил. Как мне кажется, именно по причине гораздо лучшего снабжения населения товарами народного потребления. Поэтому же не было такой черной зависти ко всему заграничному.

Ну да, КПК «Моторола» не шли ни в какое сравнение с «Электроникой». Но была «Нокия», которую поставляла нейтральная Финляндия, были чешские наладонники, китайские в конце концов. Да и среди отечественных можно было найти модели ничуть не хуже заграничных. Та же бердская «Вега», давно ставшая кооперативом, выпускала весьма достойную технику, и таких частных предприятий были десятки.

Короче, по здравому размышлению я с удовлетворением признал, что жить в этом мире гораздо удобнее и интереснее. Даже применительно к моей ситуации. Там меня давно бы уже или посадили, или выпнули из школы, как, собственно, и произошло.

А тут возьтятся, перевоспитывают. Заботятся. Правда, до сегодняшнего дня я этого не ценил, но теперь все изменится. И, довольный сделанной работой, я поужинал и завалился спать. Завтра меня ждали школа и новая жизнь.

Глава 6

В школу я явился за пять минут до звонка, в форме, тщательно выглаженной мамой, новых кроссовках и с кожаным портфелем под мышкой. Наверно, впервые за последний год тот был не пустым или набитым всяким мусором, а хранил учебники и тетради. Ощущение от возвращения в школу было необычным, но мне понравилось.

На входе дежурные проверяли наличие сменной обуви у учеников, но сделали вид, что меня не заметили. Да, я ее не брал, потому что просто не хотел. Начать учиться и завязать с криминалом – это одно, но подчиняться тупым правилам я не собирался. На улице уже месяц как сухо и никакой грязи, так на фига таскать лишнюю тяжесть. Так что, нагло ухмыльнувшись дежурным, старавшимся на меня не смотреть, я прошел в здание, поднялся на третий этаж и зашел в класс, швырнув портфель на заднюю парту.

– Ты гляди, Чобот, как настоящий, – удивился Ромка Еремин, наш лидер комсомольской ячейки, активист и один из пяти Юниоров в классе, которого посадили за соседнюю парту, чтобы он меня контролировал. – А я слышал, тебя таки отправили по этапу.

– Брешут. – Я потянулся и зевнул. – Это происки завистников.

– Какие у тебя завистники, Чобот? – рассмеялась Машка Полякова, сидящая передо мной. – Чему там завидовать-то можно? Что ты из ментовки не вылезает? Или что тебя из школы скоро выпнут со справкой?

– Как чему, – удивился я, не обращая внимания на издевательства. – Умищу, конечно. Я ж почему не учился, потому что вас жалко было. Чтобы вы на фоне моей гениальности не казались полными бездарями.

Теперь от смеха покатались не только эти двое, но и большинство, кто слышал мои слова. Точнее, многие старались скрыть, что смеются надо мной, фыркая в кулаки, но я-то видел, что происходит. И если раньше меня бы это дико выбесило, и я, не задумываясь, кинулся бы в драку, ну и опять получил, само собой, потому как против Юниора у меня не было никаких шансов, то сейчас даже посмеялся вместе со всеми.

– Ты какой-то не такой, Чобот, – удивленно осмотрел меня Роман. – Реально, что ли, в СИЗО из тебя человека сделали? А еще говорят, менты у нас плохо работают.

– Да не был я в СИЗО, – я поморщился. – Кто такую хрень городит? Что приняли меня, да, было, ночь в нулевке отсидел. Но потом разобрались, отпустили и даже извинились.

– Ты прям сегодня юморист, – согнулась пополам от хохота Машка, которая тоже была Юниором и меня ни капли не боялась, учитывая ее занятия тхэквондо. – Штепсель без Тарапуньки просто. Может, номер какой исполнишь на концерте в честь Первомая? А то нам как раз от класса не хватает. И облажаться нельзя, говорят, космонавты приедут. Ром, правда или брешут?

– Правда, – послышался голос с первой парты, и все повернулись к первой красавице класса Софии Сикорской, комсомолке, спортсменке, тоже Юниору и дочке родителей гэбистов. – Я от Натальи Юрьевны слышала. Но концертную программу, скорее всего, урежут, чтобы было время с ними пообщаться, так что не торопитесь с остальными номерами. Да и вряд ли Чеботарев сумеет сделать что-то достойное. Не в этой жизни. А показывать космонавтам сценки из жизни городской шантрапы директор не позволит.

– Не любишь ты меня, Софочка, – я ехидно улыбнулся. – А ведь я, может, натура чувственная, творческая. А ты прямо на лету все душевные порывы в клочья рвешь.

– А за что тебя любить? – удивилась беловолосая красавица, от такого заявления даже повернувшаяся ко мне. – Ты хулиган, вор и пьяница, пена человеческая. Прыщ на теле нашего социалистического общества. Как по мне, тебя давно надо на зону упечь, чтобы другим жить не мешал, но с тобой носятся, нянчатся, перевоспитывают.

– А ты, значит, не веришь, что человек может измениться? – Меня вдруг такое зло взяло, что я, сжав кулаки, скрипнул зубами. – Или любой, кто хоть раз оступился, не достоин с тобой даже на одном гектаре гадить? Конечно, хорошо быть святее папы римского, когда тебя с самого детства оберегают, охраняют, учат, воспитывают, сопельки утирают. Возят в школу и из школы. Водят на кружки и секции, кормят, все что угодно покупают, лишь бы доченька училась. А те, кому каждую кроху буквально выгрызать приходится, на двух работах корячиться, для тебя уже не люди, да?!

– Чобот, осади! – нахмурился Еремин. – Чего разошелся?

– Да нет, пусть говорит, – поднялась София. – Пусть расскажет про трудное детство, деревянные игрушки. Как он недоедал, поэтому и воровать пошел. Только вот все мы знаем, что не было этого. А ты просто бандит, трусливый и мерзкий, покрывающий свою гнилую натуру сказками про нужду.

– Ах вот в чем дело! – я зло рассмеялся. – Принцесса привыкла жить в высокой башне со сторожевым драконом и не верит, что в нашей стране, почти построившей коммунизм, бывают бедные люди! Я-то думал, что ты просто надменная сука, а ты еще и наивная надменная сука. Надо же, какой конфуз. Так вот, детка, хочешь совет? Сходи посмотри, как живут обычные люди. Не партийная номенклатура, сотрудники комитета или менты в высоких чинах. А простые рабочие. Те, кому не повезло родиться с золотой ложкой в заднице!

– Чобот, ты меня достал!!! – Надо мной навис Ромка, буквально кипевший от злости. – Закрой пасть, или я...

– Что ты? – Я поднялся, легко сбрасывая его руку с плеча. – Хочешь по морде получить? Так давай!

– Что происходит?! – В этот момент в класс вошла Людмила Петровна, наш учитель по алгебре и геометрии. – Чеботарев! Ты опять хулиганишь?! Тебя давно к директору не вызывали?! Что за драку ты тут устроил?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.